

(Не)строго бизнес

Автор:

Алекс Мейер

(Не)строго бизнес

Лана Мейер

Алекс Д

Бизнес/любовь #2

ЭМИЛИЯ: Цель Адриана Батлера достигнута и контракт на мое тело у него в кармане.

«– Ты должна запомнить основные правила: никакой одежды в постели.

Никаких других мужчин.

Никаких разговоров.

Полный доступ, когда и куда я захочу.»

Я проиграла сражение, но главное противостояние впереди, и я сделаю все, чтобы выйти из него непобеждённой.

АДРИАН: Гордеева действительно могла сесть в мое кресло.

Для этого нужно было совсем немного.

Не быть такой возбуждающе-сексуальной.

Не подходить ко мне на «Распутной Джен».

Выйти замуж за Демидова-младшего.

Не повезло тебе, детка. Ты сильно накосячила. Облажалась по всем статьям.

Теперь мое кресло тебе светит в единственном случае, если в нем буду сидеть я.

Алекс Д и Лана Мейер

(Не)строго бизнес

Глава 1

Адриан

– Я твоя на постоянной основе. Больше никакого цирка и сопротивления. Ты купил меня, мистер Батлер, – Эмилия произносит слова, которые я жаждал услышать, затеявая этот театр абсурда. Уверенно, в меру смиренно, но не опуская головы, не разрывая состязания взглядов. Красивая, покорная, обнаженная и невыносимо-сексуальная, полностью в моей власти, на моей территории и готовая играть по моим правилам. Можно начинать пировать и пользоваться всем, что вижу сейчас перед собой. Эмилия отступает на шаг назад, и я не делаю попытку удержать гордычку. Зачем? Ее трусики в моем кармане, ее тело в моей личной собственности. Только в моей. На полгода. Кастрирую любого, кто приблизится. Не знаю, почему для меня это так важно. Пару часов назад я был готов порвать на части обоих Демидовых от гадкого предположения, которое пришло в голову после слов упившегося в хлам мажора о том, что его отец лично оценил задницу Гордеевой.

Черт, Батлер, когда ты успел стать таким собственником?

Это не твое гребаное дело, с кем спала гордячка до тебя.

Нет, бл*дь, мое! Мое! Потому что она и после меня раздвигала ноги для своего тупого женишка. Собиралась за него замуж, планировала детей, дом семью, целую гребаную жизнь, где Адриану Батлеру досталось место постыдного скелета в шкафу, мимолежного курортного приключения и главного злодея, которого можно угостить вином с транквилизаторами, чтобы очередной раз посмеяться и щелкнуть по носу.

Не на того напала, детка. Я сравняю счет и оставлю тебя далеко позади.

Ее ошибка в том, что она слишком поздно увидела во мне достойного соперника. Первое впечатление неизгладимо. Круизный лайнер, долгожданный отпуск, легкомысленный бармен, легкий алкоголь, солнечный зной...

«Просто секс».

«Просто трахни меня, и всё».

Но, увы, детка, просто не получилось.

В свете моих размышлений, ее следующий вопрос звучит двусмысленно.

– Надеюсь, ты доволен приобретением? – все-таки Гордеева не способна умирить свой дерзкий язык, а я слишком измучен и зол, чтобы подыгрывать, но, как ни странно, делаю именно это.

– Мне нужно получше рассмотреть, чтобы принять окончательное решение, – я не шевелюсь, пожирая взглядом совершенное тело: изящную линию шеи, расправленные плечи, красивую высокую грудь с малиновыми сосками, выступающие ключицы, тонкие запястья, плоский живот, осиную талию, точеные бедра, длинные ноги, изящные щиколотки, маленькие, словно у Золушки ступни с крошечными пальчиками и перламутровыми ноготками.

Да, я однозначно доволен приобретением и мне не терпится перейти от официальных вопросов к горизонтальным позициям.

– Раздвинь ножки, детка. Ты спрятала самое интересное, – низким голосом требую я. Гордеева приподнимает подбородок, откидывая за спину темную копну шелковистых волос. Я помню, как собирал их на затылке и накручивал на кулак, мощно вбиваясь сзади; помню, как она бесстыже прогибалась и громко стонала, и какой чертовски узкой и неопытной казалась.

– Так достаточно широко, мистер Батлер? – с едкой иронией спрашивает Эмилия, расставляя ноги. Мой взгляд беспрепятственно впивается в неприкрытую бельем промежность. Какое-то время я жадно рассматриваю аккуратные розовые складочки, гладковыбритые и нежные, вспоминая, каково это – находиться внутри, двигаться жестко и неудержимо, ощущая тугие горячие тиски ее сокращающихся мышц, рычать от острого удовольствия, мощно кончать и начинать сначала, не дав нам обоим отдышаться. К слову, действие препаратов, которыми меня опоила Гордеева выветрилось пару часов назад, но ей необязательно знать о том, что я хочу ее до звона в яйцах.

– Что я еще могу сделать для тебя, Адриан? – с придыханием интересуется хитрая бестия. Она переигрывает и слишком сильно старается выглядеть невозмутимой и равнодушной. Я поднимаю тяжелый взгляд к ее лицу.

– Почему я не верю тебе, детка? – думаю вслух, всматриваясь в застывшие черты и остекленевшие глаза, в которых притаились тьма и горечь. Проигрывать всегда неприятно, горько, а иногда и мучительно больно. Я знаю это, как никто другой. Неоднократно испытывал на собственной шкуре. Мне приходилось отступать, принимая поражение, но я делал это исключительно для того, чтобы провести передислокацию сил и спланировать следующий ход. Наверное, поэтому так четко ощущаю фальшь и наигранность.

Гордеева не смирилась, она взяла тайм-аут.

А я собираюсь взять ее.

Но не сразу. Не сейчас. Не так, чтобы ей было проще и легче ненавидеть меня.

Эмилия заслужила наказание, но оно будет не таким, как она представляет. Принуждение, физическое насилие, осознанная жестокость – не те инструменты, которые подходят для дрессировки стержовых самоуверенных сучек вроде Гордеевой. Я начну с того, чем Эмилия дорожит больше всего и когда закончу,

она сама протянет мне поводок.

– Придется постараться, малышка, – и снова мысли вслух. Гордячка насмешливо вскидывает бровь.

– Хочешь сказать, тебе нужна помощь, Эйд? – ее голос сочится неприкрытой иронией и злорадством. – Может, подождем, когда само заработает? – не дождавшись ответа, Эмилия отступает назад и грациозно опускается упругой задницей на кровать. Слегка откидывается назад, опираясь на ладони и тем самым притягивает мое внимание к своим упругим маленьким сиськам с торчащими сосками.

– Я не люблю ждать, детка, – озвучиваю немаловажный факт, с которым ей придется считаться в будущем. – Не переношу, когда кто-то мешает моим планам, – неторопливо приближаюсь к ней и останавливаюсь, когда между нами остается пара шагов. Ей приходится запрокинуть голову, чтобы видеть мои глаза и выражение лица. Она безуспешно пытается читать меня, гадая, что я сделаю дальше. Самоуверенная маска хладнокровной стервы трещит и осыпается, показывая испуганную девчонку, которую я уже видел в каюте лайнера.

Под собой.

Трусиха ты, детка.

Сейчас Эмилия находится в идеальной позиции. Мне чертовски нравится этот ракурс. Нравится смотреть на нее сверху вниз и остро ощущать внутреннюю борьбу, которую она ведет с самой собой. Полные губы подрагивают, дыхание срывается, зрачки расширены. Уязвимая, напуганная, загнанная в угол нашим соглашением, но слишком гордая, чтобы показать свою слабость и умолять об отсрочке.

– Не люблю, когда голая женщина в моей постели болтает, а не занимается прямыми обязанностями, – продолжаю я севшим голосом. – Не люблю, когда кто-то ставит под сомнение мои сексуальные способности. И я не выношу, когда меня дурят, девочка. Мама учила тебя, что играть с огнем опасно?

– Моя мама умерла, – произносит она тихо.

– А у меня ее никогда не было, но я как-то выжил, и ты сможешь, – хладнокровно отвечаю я, приподнимая пальцами ее подбородок.

– Обычно в таких случаях выражают соболезнования, – Эмилия заметно напрягается, глядя на меня с немым укором. Воспитывать меня вздумала, дурочка.

– У нас необычные отношения, – говорю я, скользнув большим пальцем по ее нижней губе. – Я не умею соболезновать, детка. Мне довелось хоронить только собственные наивные иллюзии. И я по ним не скучаю. Нисколько.

– Значит, тебе повезло, Эйд, – в темных глазах снова вспыхивает злость.

– Я бы так не сказал, Эми.

– Я бы хотела, чтобы ты называл меня полным именем, – она сжимает губы, когда я пытаюсь протолкнуть палец в ее рот. В моем жесте нет сексуального подтекста. Просто хочу, чтобы она наконец заткнулась.

– Мы уже выяснили, что твои желания здесь не учитываются, – небрежным тоном напоминаю я и опускаюсь коленями на пол, выравнивая наши позиции. – Если только они не совпадают с моими.

Гордячка вздрагивает всем телом, когда мои ладони уверенно ложатся на ее бедра.

– Этого никогда не случится, – не слишком убедительно протестует Эмилия.

– Посмотрим, детка, – небрежно бросаю я, ленивыми неторопливыми движениями поглаживая плотно сжатые ножки. Ее кожа теплая, бархатистонезжная, и вся покрывается мелкими мурашками от легких прикосновений моих ладоней. Вишневые глаза настороженно смотрят в мои, губы приоткрываются, потому что гордячке вдруг становится мало воздуха.

– Ты очень красивая, Эми, – приглушённо говорю я, не прекращая расслабляющих прикосновений. – И это не банальный комплимент. Я редко встречал по-настоящему красивых женщин. Ты одна из них, – она хмурит брови,

не желая быть «одной из», но так уж устроен мир. Никто не оригинален. Даже я. – Твоя красота прячется от назойливых глаз и выстреливает не сразу, словно ты намеренно скрываешься в своем удобном мирке. Ты наверняка проходила различного рода курсы личностного роста и саморазвития и из краткой теории психологии знаешь, как просто стать невидимкой, обладая идеальной внешностью. Все, что ты транслируешь находится здесь, детка, – я дотрагиваюсь указательным пальцем до ее виска и невесомо веду им вниз по щеке, обвожу скулы, рисую контур на горячих сухих губах, поглаживаю пульсирующую венку на тонкой шее. – Твоя сексуальность у тебя в голове, и, если ты перестанешь сдерживать природные инстинкты, я покажу, насколько чувственной ты можешь быть, – Эмилия задерживает дыхание, когда я беспрепятственно раздвигаю её колени и придвигаюсь ближе. – Знаешь, почему я запал на тебя, Эми?

Она отрицательно качает головой. Черные зрачки сливаются с радужкой, и я вижу в них свое отражение. Мои пальцы ласково пробегают по ее позвоночнику, ладони скользят по напряженной спине, поднимаются к плечам и бесконечно-медленно сползают к ягодицам, несильно сминают и снова устремляются вверх, перемещаются на талию, разглаживая натянутые мышцы.

– Потому что ты этого захотела, – на щеках и плечах Эмилии вспыхивают яркие пятна, в затуманенных глазах проскальзывает несогласие. – Поверь, детка, очень мало мужчин будут пытаться заполучить в свою постель женщину, которая не хочет секса. Существует осознанное, явное влечение, согласованное с разумом, логикой и чувствами, а есть подсознательное, скрытое, неправильное, непредсказуемое, неконтролируемое и поэтому пугающее. Ты можешь возражать, но я говорю сейчас не с твоим разумом.

– Ты сумасшедший, да? – шумно выдыхает Эмилия, втягивая мышцы живота, когда на него переключаются мои осторожные пальцы.

– Ты можешь думать, что угодно, Эми, – шепчу я, чувствуя, как покрываюсь испариной от каменного напряжения в штанах. Предательские капли пота выделяются на лбу и висках. Мышцы сводит от бездействия. – Выстраивай любые теории в своей голове, а тело оставь мне, – голодным взглядом обжигаю налившуюся вздымающуюся грудь с крошечными твердыми горошинками. Склонив голову, я поочередно обвожу нежные ореолы кончиком языка, жалю и дразню затвердевшие вершинки. Эмилия сдавленно всхлипывает и пахнет точно так же, как я запомнил. Цитрусовые нотки духов ипряного возбуждения,

мгновенно посылающие в мой мозг десятки горячих картинок с обилием эротических поз, в которые я буду сегодня пробовать свое «приобретение».

– Сожрать хочу тебя, детка, – хрипло бормочу я и жадно втягиваю в рот сосок, одновременно лаская пальцами низ ее живота, и, неумолимо спускаясь ниже. Ответная дрожь нетерпения проходит по обнаженному женскому телу, инстинктивно выгнувшемуся навстречу моим прикосновениям. Приподняв голову, я заглядываю в покрасневшее лицо Гордеевой, сжимая ладонью грудь, и, потирая сосок подушечкой большого пальца. Другая рука бесцеремонно обосновывается между раздвинутых ног и переходит в активное наступление.

– Наши желания начинают совпадать, Эми? – чувственным полушепотом спрашиваю я, намеренно-неторопливо и осторожно поглаживая горячие складочки. Наклоняюсь так, чтобы наши губы почти соприкасались, неотрывно глядя в насыщенно-черные, словно маслины, зрачки.

– Ты хочешь меня сожрать, а я хочу тебя убить, – опалая меня горячим дыханием, огрызается моя неудовлетворённая распалённая злючка.

– Неправда, ты хочешь, чтобы я тебя трахнул, девочка. Давно хочешь. Бесишься, но все равно течешь, когда даже просто думаешь обо мне, – ухмыляюсь я и резко заталкиваю в нее два пальца, ощущая, как влажные мышечные стенки плотно сдавливают фаланги. Охренеть, как узко, несмотря на обилие смазки, но я знаю, что поможет маленькой тугой девочке максимально расслабиться. Сделав несколько ритмичных движений внутрь и наружу, сгибаю пальцы внутри ее лона и начинаю усиленно стимулировать верхнюю стенку ее лона. Ориентируясь на прошлый опыт, меняющие высоту постанывания Эмилии и инстинктивные реакции ее тела, я безошибочно нахожу взбухшую пульсирующую эрогенную точку, которая чувствительна далеко не у всех. Несколько интенсивных надавливаний, и Эмилия громко вскрикивает и впивается когтями в мое запястье. В глазах изумление, губы дрожат.

– Не надо, – в ее голосе звучит непонятное мне отчаяние. Она пытается сдвинуть ноги, но пара умелых движений, и они распахиваются сами. – Боже, Эйд, прекрати. Я сейчас...

– Я не дам тебе кончить, пока сам этого не захочу, – «успокаиваю» я явно стыдящуюся своей отзывчивости гордячку, что в очередной раз ставит меня в ступор. Разве опытная женщина ведет себя так скованно? Разве она будет бояться оргазма и сопротивляться удовольствию?

– Ты прекрасна, детка. Выкинь все из головы. Здесь нет никого, кроме нас, – выдаю я, повинувшись какому-то нелепому наплыву нежности.

– Ты уже это говорил, а потом угрожал мне распространением видеозаписи. «Никто не узнает», – повторяет слово в слово мою фразу, которую я произносил в образе бармена, запавшего на гостью лайнера. Злопамятная кошечка. Показывает коготки и одновременно подставляется под ласкающие ее пальцы.

– Нет никаких записей, детка. Я их стер сразу же, как получил. Я похож на того, кто позволил бы сунуть нос посторонним в свою личную жизнь?

– Ты... – начинает шипеть Эмилия и срывается на стон, сильнее пригибаясь назад, и, елозя попкой по шелковому покрывалу. Бл*дь. Невыносимо смотреть на то, как мои пальцы вбиваются в текущее лоно с развратно с хлюпающими звуками, и не имея возможности даже дрончить.

Я представляю, как она будет кричать и биться во время оргазма, и возбужденный орган сильнее натягивает ткань брюк, заставляя меня до скрипа стиснуть зубы. Чтобы как-то облегчить свои мучения, вжимаюсь пульсирующей эрекцией к боковине матраса, хотя, я с большим удовольствием натянул бы на свой член дерзкий рот Гордеевой. Но всему свое время, как говорится.

Облизав пересохшие губы, я провожу языком по губам Эмилии и врываюсь внутрь, заглушая судорожные хриплые стоны. С грудным рычанием пожираю податливый рот, трахая его языком, пока мои пальцы ритмично вбиваются снизу. Она уже близко, дрожащая и чертовски мокрая, а я хотел помучить ее подольше.

– Да, тут целый потоп, детка, – оставив в покое истерзанные губы, я смотрю на задыхающуюся, вспотевшую от борьбы с собственным телом Гордееву, успевая словить выражение мучительного напряжения на ее лице. – Не похоже, чтобы прошлой ночью тебя хорошо оттрахали, Эми, – озвучиваю свои наблюдения. Она распахивает потемневшие глаза, устремив на меня удивленный взгляд. – Ты не кончаешь с ним, детка? Я прав? Поэтому боишься со мной. Поэтому дерзишь и

убегаешь. Тебе страшно, девочка, – опустив голову, я облизываю сосок, глядя в пылающие глаза Эмилии. – Думаешь, это будет что-то значить? Что ты захочешь большего, чем просто секс и контракт?

– Замолчи, – кусая губы, и, комкая в кулаки покрывало, рычит на меня оскорблённая гордячка. Я втискиваюсь между ее бедер, продолжая усиленно трахать ее пальцами.

– Но это же так и есть, девочка. Ты трусиха, а не уверенная в себе расчётливая деловая сука, способная выжать из ситуации всевозможную выгоду. Ты же могла, детка. Я бы все тебе дал. Сам.

– И ты дашь, Эйд. Клянусь, ты мне все отдашь! – Впиваясь когтями в мое плечо, обещает Эмилия и, откинувшись на спину содрогается всем телом от накрывшей ее первой волны оргазма. Я ни на секунду не отвожу тяжелого голодного взгляда от ее лица, пока она с криком кончает на мои пальцы. Меня самого мелко трясет от болезненного возбуждения, требующего удовлетворения, но ощущения, которые я испытываю, наблюдая за экстазом извивающейся в моей постели гордячки, гораздо сильнее и масштабнее банальной похоти. И это, бл*дь, меня чертовски напрягает. Мое помешательство на этой девушке переходит все мыслимые и немыслимые пределы и становится опасным. Для нас обоих.

Наверное, правильнее было бы оставить ее сейчас, с влажными бедрами и распятой гордостью, не давить сильнее, чтобы окончательно не разбить. Но я не смог, не ушел. Мое эгоистичное желание довести Эмилию до бессознательного состояния оказалось выше доводов рассудка.

И я довел. Языком, губами, пальцами. Заставил охрипнуть от криков, обрушив на неискушенную девчонку весь многолетний арсенал, приобретенный с умелыми дорогими шлюхами. Эмилия сто раз пожалела о глупой выходке с вином, на практике поняв, что я способен затрахать ее до хрипоты, независимо от наличия или отсутствия эрекции. Она умоляла остановиться, но у нее не было шанса. Я хотел вытравить из ее тела и мыслей всех, кто был до меня и заранее обрекая ее будущих любовников на провал. Я действовал жестко, расчетливо и испытывал темное удовлетворение, подводя ее к новой грани, выше которой она еще не летала. Эмилия этого не хотела, не просила меня показать ей звезды, это я должен был доказать ей, что лучший и других таких не было и не будет. Моя гребаная ахиллесова пята. Когда-то я использовал совсем другие способы, но

мальчик вырос, а внутренняя потребность осталась и его методы стали гораздо жёстче. Слишком часто мне приходилось выпрашивать и умолять, а теперь я приказываю, беру или покупаю. Именно я создаю правила и условия, а не подчиняюсь им. И до Эмилии Гордеевой мало кто решался сказать Адриану Батлеру «нет».

И она тоже больше не скажет. Я все для этого сделал.

– Эми, я еще не закончил с тобой, – негромко говорю я, когда отдышавшись после очередного оргазма, Эмилия пытается сползти с кровати. Я сижу, прислонившись спиной к обитому черной кожей изголовью. По-прежнему в штанах и стальной эрекцией, я собираюсь наконец-то заняться собственными потребностями.

– Мне нужно в душ, Адриан, – приглушенно шепчет Гордеева, пряча глаза, и, краснея от моего прямого взгляда, которому довелось сегодня рассмотреть ее в очень разнообразных ракурсах. Я не понимаю, как Эмилия может стесняться своей чувственности. Кончающая раскрепощённая женщина – это именно тот афродизиак, который держит в постоянной зависимости ее партнёра.

– Мы пойдем туда вместе, – протянув руку, я обхватываю ее запястье и снова возвращаю на смятую кровать. – Позже, детка, – с улыбкой добавляю я, глядя в настороженные черные глаза.

– Что ты еще хочешь? Я больше не могу, – в ее голосе звучит усталость. Верю, что не может. Но...

– Хочу твой рот, детка. Я думаю, это будет честно, после того, как ты трижды кончила на мой язык.

Она застывает, с откровенным изумлением наблюдая, как я спускаю штаны, выпуская на волю возбужденный член.

– Не надо так удивляться, малышка. Ты уже с ним близко знакома, – ухмыляюсь я, рывков притягивая к себе. – Не будем тратить ни твое ни мое время. Ты устала, а у меня уже дымится после нашей возни.

– Но я думала... – ее растерянность сменяется ужасом, и это мне совсем не нравится.

– Детка, тебе стоило поэкспериментировать на своем бывшем женишке, прежде чем сыпать мне в вино всякую дрянь. Быстро отсосешь, и мы закроем эту тему. Будем считать, что ты отработала свое наказание.

– Я не буду, – тихо произносит она, пытаюсь освободить запястье из моей хватки. Что, бл*дь? Это шутка такая? Или она снова решила постебаться? Так момент неуместен.

– Тебе напомнить, что отказаться ты не имеешь права? – раздражённо спрашиваю я.

– Я не умею, – выдыхает Гордеева, отводя взгляд. С моих губ срывается нервный смех. Она точно издевается.

– Не делай из меня идиота! – рявкаю я, теряя терпение.

– Я говорю правду, – восклицает Эмилия с такой горячностью, что я бы поверил..., если бы был малолетним дебилом, требующим минет с одноклассницы.

– Ты несколько часов назад кричала, что отсасывала своему мажору, – напоминаю я бесцветным тоном.

– Я говорила это специально, – возражает гордячка, продолжая свою нелепую и надоевшую мне до скрежета зубов игру.

– А я поверил, детка, – резко отвечаю я. – Поэтому давай, работай. Деньги отрабатывать нужно. Ты вроде просила какой-то счет оплатить. Прямо сейчас и оплатим, после того, как закончим. Только не предлагай мне альтернативы. «Просто трахнуть» не прокатит.

– Ты прав, Адриан. Я должна отработать, – бесстрастным голосом произносит Эмилия. – Согласно контракту, – добавляет сухо и, перекинув копну волос через плечо, опускается на колени и склоняет голову. Ее пальцы обхватывают мой

раскаленный член, а горячие губы касаются налившейся головки. Наверное, в этот момент я должен быть удовлетворен неожиданной покорностью, но чувствую злость и раздражение, потому что вижу, как она заставляет себя, а это совсем не то, что мне нужно.

Эмилия

Адриан Батлер – чертов иллюзионист, только ему подвластны не предметы и реквизиты для фокусов, а истинные грани человеческой души, которую он легко распарывает и препарирует. И судя по дьявольским искрам, теплящимся на дне зрачков кристально-голубых глаз, он получает от процесса манипулятивной игры со своей жертвой маниакальное удовольствие.

Даже из такой унижительной ситуации, в которую я поставила его в бильярдной, он выходит сухим – ну прямо-таки Царь и Бог, способный ходить по воде. Не имеющий ни одного слабого места, хотя я и так «святое» для любого мужчины максимально высмеяла и унизила.

Батлеру всегда удастся удивить меня. Он делает это снова и снова, демонстрируя свое превосходство в подобных играх.

Этого мужчину трудно застать врасплох, и он действительно всегда на два шага впереди меня...ведь сейчас, после подписания проклятого контракта я ожидала от него совсем иных действий.

Я готовилась к грубости, бесчеловечности, возможно, к физическому насилию, после которого не смогу сидеть неделю и буду истекать кровью в интимном месте.

Некая часть меня содрогалась от суеверного ужаса, когда осознавала, на что способен этот мужчина в гневе. На все, абсолютно, мать его, на все...

Честно, я все свои внутренние ресурсы готовила к тому, что Батлер поведет себя как моральный урод, одержимый абьюзер, зажавшийся миллиардер, купивший в свою коллекцию очередную куклу.

Уверена, в нём есть черты характера от всех вышеперечисленных личностей, но...игра Батлера намного тоньше, изысканнее, эмоциональнее. Он абсолютно хладнокровен и уравновешен, и явно на «ты» со всеми из всех своих демонов.

Держит их под контролем, используя против меня куда более опасное оружие, способное вызвать моментальное привыкание и зависимость у любой женщины.

О чем я? О простых вещах: о внимании, о ласке...об этом его ненавистном мне до глухих стонов взгляде: «я хочу смотреть, как ты кончаешь, детка. Ты прекрасна и идеальна, даже когда содрогаешься от микровзрывов в теле, сдвигаешь брови к переносице и кусаешь губы, умирая от удовольствия, погружаясь в сладкую пучину беспамятства...».

Так на меня смотрел Батлер, когда его язык был максимально глубоко во мне.

Как никто и никогда до него.

Полностью принимая мою суть, сканируя меня насквозь, до мурашек и горлового стоны, срывающегося с губ.

То, что испытывает сейчас мое тело после сексуальных игр Батлера трудно описать словами. Будто вся невыраженная и подавленная сексуальная энергия внутри меня, что копилась и была сдержана прочнейшим бетоном вдруг обрела мощь и силу. Решила прорваться текущим потоком, заставив внутреннюю ограничивающую её дамбу эпично растрескаться.

И я так боюсь не узнать себя прежнюю, когда её прорвет окончательно.

Я не хочу выходить за рамки незримой плотины.

Но Батлер, кажется, намерен раскрошить её в пыль и пустить потоки моей сексуальности и женственности в океан своих порочных фантазий. Если во мне вообще есть эти пресловутые качества.

Мне все эти новые эмоции чужды, как и многим девушкам, родившимся в 90-е годы. Есть некоторые установки, которые всегда мешали мне получать удовольствие в постели, все больше убеждая меня в собственном сексуальном

равнодушии и фригидности:

Секс – только для продолжения рода, а не для удовольствия и создания близости.

Мастурбация – недостойной и грязный грех, за который тебя могут отправить на плаху, а не естественное познание себя и принятие своего тела.

Минет – вовсе нечто грязное, непристойное и табуированное, а не способ самой получить наслаждение от слияния губ с эпицентром силы своего мужчины.

Со всеми этими убеждениями, впитанными с молоком матери очень трудно расстаться, просто подписав так называемый контракт на «доступ к телу». Я та ещё ханжа, вот и всё.

В Америке секс в массах воспринимается, как естественная потребность организма, о которой можно спокойно говорить в парке. Читать в метро очередные «Девять с половиной недель» и не прятать эротичную обложку романа за наклейкой «1001 способ приготовить борщ».

Там, в стране Батлера, это не стыдно и нормально, я убедилась в этом сама, когда работала в США. Будь я американкой, я, возможно, сама бы обрадовалась этому чертовому контракту. Спать с сексуальным мужчиной ближайшие полгода и быть под его защитой – вот как прочитали бы мой контракт многие жительницы Запада, а некоторые бы отметили подписание договора бутылкой вина и походом по люксовым магазинам.

Но для многих женщин в России, как и для меня, то, как откровенно говорит Батлер о сексе, требует с меня чертов минет в тоталитарном тоне, без тени смущения и неуверенности, это уже за гранью.

Мы не привыкли к такому, даже если в глубине души мечтаем прогнуться и подчиняться в постели и быть слабой и сломленной в рамках спальни, но зато чертовски удовлетворенной. Мы привыкли проявлять силу и воевать, спорить и что-то доказывать...а потом спрашивать, куда делись все адекватные мужчины?

Подсознательно я понимаю, что быть сильной, но уставшей женщиной – вот что по-настоящему стыдно. И куда более постыдно – имитировать оргазм, притворяться бурно кончающей актрисой из порно, быть не собой, вместо того, чтобы спокойно поговорить с партнером и открыто обсудить то, что вам обоим нравится и прийти к настоящему кайфу.

Но сейчас, в этой спальне наедине с Адрианом Батлером, человеком, которого я ненавижу всем сердцем, и с кем меня связывает лишь корявая подпись на жалкой бумажке, я была собой.

Отпустила внутреннее напряжение, доверившись реакциям тела на этого мужчину.

Химии определенных гормонов невозможно противостоять, и Адриан Батлер это прекрасно знает, умело цепляя в моей душе и теле те струны, что будут звучать максимально ярко и звонко.

Чертова природа виновата в том, что я растаяла под натиском ласк Батлера, ведь эта злодейка задумала все так, что любая женщина всегда будет тянуться к самому сильному самцу в своем окружении.

А Адриан Батлер чертовски сильный.

Настолько, что один взор в его пронизывающие глаза, и всё мое тело прошибает до крохотных капель пота. Второй взгляд на его налитые уверенностью и властью мышцы, и вот я уже борюсь со стоном, вибрирующем в горле.

На все мышцы...в том числе и на ту, что сейчас гордо и охренеть как мощно «стоит» между мной и Адрианом. Черт. Ну почему действие препарата закончилось так быстро?

Этот мужчина пугает меня, несмотря на то, что пока не причинил мне физического вреда. Не могу поверить, что этот негиббемый, хладнокровный, бескомпромиссный бизнесмен, который в офисе ставит всех по стойке смирно, только что жадно вылизывал меня, надолго задержав свою голову, язык, губы и пальцы в самой чувствительной точке моего тела. Уму непостижимо. Это та степень откровенности, близости, сладкой порочности к которой лично я не была готова. Не представляю, как ему удастся расслаблять меня, погружать в

омут с головой, в то время как перед другими партнерами, даже перед Демидовым я зажималась и скорее имитировала оргазм, лишь бы вся эта «возня» скорее закончилась.

На какое-то время я даже забыла о проклятом контракте от переизбытка эмоций. После многократных всплесков эйфории я немного успокоилась и вроде как начала трезветь, но Адриан, как вы понимаете, только начал.

В тот момент, когда он достает вздыбленный член из тренировочных штанов, спуская их, я каменею. Его плоть напряжена настолько, что у меня не остается никаких сомнений в том, что даже конец света не помешает Батлеру поиметь меня и обязательно показательно и наказательно за содеянное мной вчера.

Клитор предательски пульсирует от желания, реагируя на горячую картину, мое пробужденное тело упорно спорит с категоричным неприятием разума того, что я вижу и всей этой унижительной истории, в которую я влипла.

Но потом сам Батлер все портит.

Этим своим высокомерно брошенным: «деньги отрабатывать нужно».

– Ты прав, Адриан. Я должна отработать, – сухо бросаю я, наконец, понимая, что отсидеть в сторонке и сбежать от него не получится. – Согласно контракту, – обхватив упругую плоть мужчины ладонью, я наклоняюсь к его члену и аккуратно втягиваю в рот гладкую головку.

Стараюсь отключить разум. Однако чувствую себя так, будто меня морально трахают, причем лишают девственности. Неуверенно и робко ощущаю себя, не говоря уже о том, что мне хочется сгореть от стыда при мысли, что я должна поработать ртом, согласно, бл*дь, контракту.

– Как ты хочешь, чтобы я это сделала? Как тебе нравится? – переборов себя, вдруг спрашиваю я, стараясь оттянуть время, и, выпуская из губ член Батлера с таким звуком, от которого внутренняя отметка «стыда» достигает критической.

Непрерывно смотрю в глаза Адриана, совершая автоматические движения сомкнутых пальцев вдоль его каменной плоти. Он явно недоволен тем, что я

подхожу к делу без энтузиазма, на автомате. Без души, так сказать. Трудно заставить себя проявить искренний интерес после последних слов Батлера. И дело не в том, что как мужчина он мне неприятен. Скорее в том, что как раз наоборот...но я всегда буду с этим бороться из-за того, что он превратил мою жизнь в ад. Моя гордость, конечно, разбита, но ещё не стерта в порошок.

– Как? – медленно тянет он, зарывая пятерню в мои волосы. – С удовольствием, Эмили. Не важно, как ты будешь сосать, мне необходимо, чтобы ты отбросила свои обиды и стыд, и стала наконец взрослой женщиной, которая кайфует от мужского члена во рту. В тебе есть горячая тигрица, и она хочет меня, ты просто слишком упряма, чтобы признаться себе в этом, – чеканит очередное откровение Батлер, вызывая во мне бурю негодования.

Он совсем тронулся, да? Заставляет меня впервые в жизни делать минет, напоминает, что мы трахаемся по контракту, за который я получаю деньги и привилегии, как какая-то «тупая киска» и хочет, чтобы я получала наслаждение от процесса. Что, прости?

– Я всё же жду более точных указаний, хозяин, – последнее слово выплевываю с ласковой издевкой, замечая, каким хищным оскалом реагирует на мои слова Батлер. Подлецу все к лицу, даже злость и ярость, и за это хочется придушить его самого или расцарапать его аристократично львиную морду. – Я же должна знать все тайные желания своего Господина. Или босса? Так пафосно. Так к тебе обращаться? А может так мне называть твой член? – с нескрываемой ненавистью шиплю я, ощущая, как моя ладонь скользит вниз по его члену, и касается подтянувшихся от возбуждения яич.

Черт возьми, сейчас сожму ему их на хрен. Будет знать, как шантажировать и доводить Гордееву.

Но, конечно, я этого не делаю и с фальшивой полуулыбкой мягко сжимаю их в ладони. Боковым зрением замечая, как левый кулак Батлера сжимает простынь, а из его губ срывается тяжелый рычащий выдох. Другой рукой он обхватывает мою шею и, слегка надавливая на пульсирующую вену под тонкой кожей, цедит сквозь стиснутые зубы:

– Будешь ерничать – будет хуже. В остальном...удиви меня, детка, – пренебрежительно выплевывает Батлер, напоминая мне о том самом моменте, с

которого все началось. Эти слова я сказала Эйду, когда делала свой роковой заказ в баре круизного лайнера.

– Мои предыдущие партнеры предпочитали глубокое горло, – вырывается из моих губ очередная провокация, которая не сулит мне ничего хорошего, как и смертельный огонь, вспыхивающий в зрачках Батлера. Жаром обдает моментально, кончики пальцев начинают вибрировать, губы пересыхают. – Но к твоим размерам я не готова, Адриан, – честно признаюсь я, продолжая тянуть время и злить Батлера.

По одному лишь напряжению в мышцах и вздувшимся венам я понимаю, насколько его вывели из себя мои слова. Его взгляд внезапно темнеет, словно его голубые глаза обагрились кровью представляемых им жертв – моих бывших.

Неужели ревнует? К куклке по контракту? Мальчику неприятно, когда его сравнивают с другими? Так-так...я запомню.

Однако Батлер держит себя в руках и лишь по-царски приподнимает бровь.

– Обычно? Ты только что говорила, что не умеешь, детка. Ты уж определись со своим позиционированием на рынке, – его слова бьют больнее пощечины. – Ты же понимаешь, что бу товар не идет ни в какое сравнение с новым, – не уступает Батлер, продолжая поглаживать и сжимать мою шею широкой ладонью, явно намекая на то, что вся моя жизнь отныне находится в его жестком кулаке. – И хватит заговаривать мне зубы, кошечка.

Его слова попадают в самый эпицентр моего сердца и растекаются по венам болезненным ядом.

– Приступай к делу, – Батлер сильнее обхватывает мое горло и силой наклоняет к своему паху.

Черт возьми. Мне отвратительна вся ситуация. Чувствую себя шлюхой и не могу избавиться от налета «грязи», пеплом осевшем на моей коже.

Сделав глубокий выдох, я не разрываю зрительного контакта с Адрианом. Ладонь с долей агрессии скользит по его члену, но судя по признакам

наслаждения, Адриан воспринимает это за моё пробудившееся желание. Послав все установки к черту, я включаюсь в процесс и приступаю к вынужденной и тягостной для меня работе, проводя кончиком языка по вертикальной складке кожи под головкой. Снова и снова ласкаю чувствительное место, не прекращая движения ладонью.

Мне могло бы это все нравиться. Очень даже. В другом месте, в другое время, при других обстоятельствах...но сейчас мне этот минет до тошноты мерзок, именно из-за того, что я воспринимаюсь Батлером, как товар, как шлюха, как женщина, которая все-таки сломалась и продалась ему за необходимые, чтобы выжить бумажки.

Горько так осознавать это, что, как говорится, ничего в горло не лезет. Но я стараюсь, как могу и умею, чтобы скорее закончить душевную экзекуцию.

– Твою мать, детка. Все ты умеешь. Не знаю, радоваться или готовить казнь для всех твоих бывших клиентов, – продолжает дразнить меня Адриан, засаживая колья в мое сердце обидными словами.

– Годы тренировок не проходят даром, Батлер, – парирую я, мысленно надевая на себя непробиваемую броню. Продолжаю стимулировать его твердую плоть руками, языком уделяя внимание только головке. Судя по неровному дыханию, ему нравится, но я прекрасно знаю, что он думает какая я неумелая, несексуальная...недостаточно хорошая для него.

Почему я так думаю?

Потому что я оказалась недостаточно хороша для такого мужчины, чтобы он отбросил контракт в сторону и желание отомстить девушке, что обидела бармена своей предвзятостью. Недостаточно хороша для того, чтобы по-настоящему ему понравиться, со всеми вытекающими... духовная близость, постепенное знакомство, секс по желанию, а не по принуждению и пунктам в контракте. Я могла бы влюбиться в тебя до одури, Адриан Батлер. Я это точно знаю и чувствую. Если бы ты не покупал меня за деньги, а использовал бы эмоциональную валюту.

– Скажи что-нибудь более приятное, гордячка. Скажи, насколько тебе хорошо сейчас. Я хочу слышать энтузиазм в твоём голосе, детка. Скажи, как ты

представляла себе этот момент, эти два месяца. Говори. Иначе не засчитаю, – Батлер берет меня за волосы, заставляя прекратить неумелый минет неуверенной в себе Эмилии Гордеевой, которой куда проще быть таковой в офисе, чем с мужчиной. Останавливает и поддевает пальцем подбородок, заставляя посмотреть в его штормовые глаза, поменявшими свой оттенок. – Отбрось мысли и стыд, Эми...я читаю каждую мысль в твоих глазах, – большой палец Адриана скользит по моим влажным губам, и на несколько мгновений мое тело вновь наливается сладким томлением. Всю покалывает от удовольствия и желания, хоть на стенку лезь.

– Я не буду этого говорить. Ты купил подписку на мое тело, а не на душу. Ты не можешь заставить меня чувствовать то, что я не ощущаю насильно, – твердо заявляю я, намекая Батлеру на то, что ни за какие деньги в мире он не купит мою волю.

– Говори, Эмилия. Не зли. Меня, – низким голосом предупреждает Батлер, и некоторые из нот буквально сигнализируют мне о надвигающейся опасности. Тонко намекают на то, что мое упрямство опять не доведет меня до добра.

– Ты не дожدهшься от меня этих слов. Ты не можешь влиять на искренность моих действий, повторяю. Ты купил меня. Я послушно выполняю все, что нужно, Батлер. Я встану в любую позу, возьму так глубоко, как тебе захочется, потому что подписала долбанные бумаги, ради спасения себя и своей семьи, что непонятного? Что ещё тебе нужно? Чтоб я стонала от удовольствия?! Я не хочу сосать тебе, ясно? Ты заставляешь меня. Ты добился от меня этого по контракту, напоминаю. А Леше я делала это по собственному желанию, – последние слова вырываются из уст автоматически, неосознанно. Именно они и становятся тем бумерангом, который рикошетом отлетит на меня от Батлера.

И он снова приходит. Этот момент. Когда я понимаю, что допустила ошибку, ляпнула лишнего, призвала демона из самой бездны его глаз, в отражении которых я вижу свое лицо, искаженное мимикой, выражающее ужас и отчаяние. Подсознательно группируюсь, сжимая голову в плечи.

Лицо Батлера багровеет, несмотря на то, что его кожа имеет шоколадный оттенок. Вены на предплечьях и висках бугрятся, как и желваки, которые становятся особенно четкими на его челюсти в те моменты, когда он доведен до крайней точки терпения.

Я не хотела, я не специально...ты вынудил меня бороться. Воевать с тобой. Меня пугает наша близость и обязанность быть с тобой двадцать четыре на семь ближайших полгода, потому что все, что я делала всю свою жизнь – так это бежала от отца, которого вижу в лице всех мужчин мира.

Разумеется, Батлера не волнует ни одна из эмоций, кричащих в моей душе. Он свой приговор уже вынес.

Резко хватая меня за волосы до вскрика, встает с постели, стаскивая меня с неё.

Я, естественно, падаю на колени, успевая смягчить удар костяшками сжатых кулаков.

Инстинктивно пытаюсь дернуться в сторону, сбежать...а бежать некуда. Адриан наматывает мои волосы на кулак, в его глазах уже давно полыхает и искрит пламя на радиус в два метра.

– Хорошо, Эмилия. Меня устроит отсос не по собственному желанию, – грубо бросает он. – И только попробуй укусить, – надавив на мои скулы, Батлер заставляет меня широко открыть рот.

А дальше...он просто трахает меня, используя эту часть моего тела так, как удобно ему. Полностью управляет моей головой, дергая за волосы, вбивается в том ритме, который ему необходим.

Это превращается в мучение, в настоящую пытку, потому что мне больно и непривычно. Спасает меня только то, что Батлер использовал какую-то смазку для орального секса, которая совершенно «случайно» оказалась в прикроватной тумбочке. Горло и губы немеют, я фактически ничего не чувствую, благодаря компонентам в специальной жидкости.

Я должна его поблагодарить за заботу? Я «поблагодарю», Батлер. Ты все мне отдашь.

– Вот видишь, Эмилия. Можешь, когда захочешь. Ты чертовски хороша, когда молчишь и выполняешь то, что от тебя требуется. Как бы мастерски ты ни играла в невинность, сущность продажной шлюхи не скроешь, – добивает меня

Батлер. Его едкие слова переходят в сдавленный стон, мои ногти врезаются в его ягодицы в знак протеста, когда этот ублюдок в последний раз насаживает мой рот на свой чертов кол и спускает мне в горло все накопившееся напряжение.

Все закончилось. Ни одной долбаной слезинки, пролитой из моих глаз, Адриан не увидел. Такого удовольствия я ему не доставила.

Мои губы горят, в горле ощущается непривычный и специфический вкус Адриана Батлера.

Мне мерзко не физически, а морально, особенно, когда понимаю, как выгляжу со стороны.

Перед ним на коленях, смотрящая на него снизу-вверх, со стекающей по губам и подбородку спермой. Наши взгляды ведут войну не на жизнь, а на смерть, но я не собираюсь быть жертвой, которая опустит плечи и взор в пол. Нутро обжигает ненависть лютая, жгучая, заряжающая желанием отомстить. Проглатываю его семя, вместе со своей гордостью и даже бровью не веду, каких бы усилий это ни стоило.

– Хорошая девочка, – небрежно почесывает мой подбородок Батлер костяшкой указательного пальца. словно я котенок, которому перепало немного хозяйской ласки. – И не нужно так смотреть на меня, Эмилия. Я не хотел быть грубым, но по-другому ты не умеешь. Видимо, мое первоначальное предположение правильное, и ты любишь только так. И еще, детка, больше ни слова о бывших любовниках. Их не было в твоей жизни. Ясно? Ни одного из них. Надеюсь, запомнила? – интересуется Адриан, закончив воспитательный процесс.

– Разумеется. Я урок усвоила, мистер Батлер, – стараюсь, чтобы мой голос не дрожал предательски, не выдавал во мне того самого обиженного котенка. – Я надеюсь, тебя все устроило? Доволен приобретенными услугами? – пытаюсь держаться хладнокровно, как и на деловых переговорах, хотя сердце барабаном ломает ребра и кричит до рези в груди.

– Да, неплохо для первого раза, Эмилия. Перекину небольшой взнос на твой счет, – достав из кармана телефон, Батлер сосредоточенно скользит пальцем по экрану и затем объявляет. – Поздравляю, Эмилия. Первый шаг по освобождению

из долговой ямы сделан. Скинул сто тысяч тебе за минет на «троечку». Но ничего, в следующий раз ты будешь стараться лучше. Не так ли? А это на чай, – отпуская меня так, словно двадцать минут назад не покрывал одержимыми поцелуями мое тело до хрипоты, Адриан оставляет на тумбочке две зеленые купюры. – И, кстати, не забудь предоставить мне отчётные документы по своему срочному переводу. Это одно из условий контракта, – небрежно бросает напоследок, а потом разворачивается, забирает контракт и покидает мою спальню с ледяным спокойствием.

Я сижу на коленях какое-то время и молчу, кажется, целую вечность, устремив пустой взор на закрытую дверь. Он за один вечер погрузил меня на дно и заставил захлебнуться. Размеров солнца не хватит, чтобы описать мою ненависть к Батлеру.

Меня прорывает в одну секунду.

Истошно закричав, я хватаю с тумбочки тысячу долларов в двух купюрах и крошу их на мелкие бумажки, которые с остервенением кидаю на пол.

Это нервный срыв, клиника...хватаюсь за волосы и, свернувшись в позу эмбриона на полу, я наконец позволяю себе в голос разрыдаться, наплевав на то, что, возможно, в спальне установлены камеры, и Батлер будь явно доволен такой эмоциональной серией моего реалити-шоу.

Спустя час горьких рыданий, разговоров с самой собой и борьбой со своим стыдом и унижением я иду в душ и чищу зубы, продолжая уже беззвучно так плакать, по инерции. Смотрю в свои глаза в отражении и не представляю даже, через что придется пройти ближайшие полгода.

Ещё через час, когда вся основная боль уже выплакана, я не чувствую ничего.

Абсолютно.

Лишь распространяющуюся пустоту в районе грудной клетки, которую так хочется заполнить...но не знаю ни одного способа, как это сделать.

– Я люблю тебя. Все будет хорошо, милая, – говорю самой себе, вспоминая, что эти слова всегда говорила мне Вика, когда мы вместе плакали, прячась от отца в чулане или под кроватью. И сейчас я ощущаю острую потребность в том, чтобы сказать их себе.

Глава 2

Адриан

Выходные прошли абсолютно не так, как я запланировал. Вместо двух суток горячего секса – сплошной нервяк и желание убить кого-нибудь с особой продуманной жестокостью. И виной тому одна несговорчивая вертихвостка с завышенным самомнением. А начиналось все очень даже неплохо. Отчасти я получил то, что хотел; подпись в контракте Гордеева поставила и даже приступила к его выполнению, но как она это делала – это уже другой вопрос. Эмилия всем своим видом демонстрировала, что не горит желанием беспрекословно соблюдать условия, продолжая дерзить и испытывать мое терпение.

Не понимаю, чего добивается эта сумасшедшая женщина. Откуда в ней столько непробиваемого упрямства и гордыни? Она реально не осознаёт, что игры кончились и дальнейшее сопротивление опасно, в первую очередь, для нее самой? Зачем дразнить зверя, если ты всего лишь беспомощная, но жутко гордая лань? Любая на ее месте использовала бы абсолютно другую тактику и высосала из своего положения столько бонусов, что до конца жизни хватило бы для безбедного существования. Ключевое слово «высосала». И то, как высасывала свои бонусы Гордеева отбило все желание идти на какие-либо уступки и компромиссы.

Я подозревал, конечно, что с гордячкой будет непросто, но если она продолжит и дальше испытывать меня на прочность, то это может плохо закончиться.

Я не бросаюсь пустыми угрозами. Никогда. Мне действительно надоели наши затянувшиеся игры. Она убегает, фыркает, я настигаю и загоняю в угол. Она сдается, но при этом я один хрен чувствую себя проигравшим и одураченным.

Черт, если быть откровенным, это не первые мои договорные отношения. Не вторые и даже не третьи. Я уже говорил, что мне так проще сохранять личное пространство и экономить время для действительно важных дел. И все женщины, на кого падал выбор, использовали всевозможные ухищрения, чтобы удержать мой интерес и продлить срок контракта. С Эмилией же с самого начала пришлось напрячься, отодвинуть в сторону все дела и заниматься исключительно ее строптивой персоной.

Я понимаю, что она не рвалась в мою постель. Да, бл*дь, я не идиот и знаю, что есть женщины, кому претит полная зависимость от партнёра. Но, черт, разве она не видит, не чувствует, что я тоже зависим? И если Эмилия так хочет избавиться от меня, ей всего лишь нужно подыграть, прекратить сопротивляться и дать мне то, что я хочу.

А я хочу всё.

И это абсолютно нерешаемая дилемма.

Потому что подыграть не получится. Меня не устроит игра. Уже не устроила.

Все чертовски запуталось, закрутилось, я не понимаю, что со мной и пока еще удерживаю контроль, но чего мне это стоит – не знает никто. Меня ломает и кидает из крайности в крайность. Я боюсь того, что могу сделать, если Эмилия продолжит вести себя, как оскорбленная жертва озабоченного садиста. Я не хочу быть подонком, кто ломает ее жизнь, только потому что она отказывается подчиняться моим требованиям, но, похоже, уже это делаю. И самое абсурдное во всем происходящем балагане, что никто кроме нее, меня остановить не способен. Сейчас мы оба ходим по краю осыпающегося обрыва, на дне которого адское пекло. Один неосторожный шаг, малейшая глупость, и назад дороги не будет. Я выживу, я там родился, а вот она... не уверен. Надеяться на то, что ситуация рассосётся сама собой – крайне глупо и опасно.

Чтобы не наворотить дел, о которых потом пожалею я принимаю решение взять короткую паузу, дать нам время остыть и откладываю постельные игры с Гордеевой до того момента, когда буду уверен, что ненароком не придушу стервозную сучку.

Утром следующего дня, оставив Эмилию под присмотром Эрика, я отправляюсь в пустой офис, где до обеда изучаю накопившиеся отчеты, сэконобив себе несколько свободных часов в понедельник. В тишине всегда работается быстрее и плодотворнее. Ничто не отвлекает, офисные телефоны молчат, некомпетентные подчинённые не дергают по вопросам, которые вполне можно решить без моего вмешательства.

К запланированному ужину с немецкими инвесторами я чувствую себя абсолютно собранным и уверенным в удачном исходе вечера. На повестке обсуждение проекта арт-отелей «Мечта», временно переданного Алине Самойловой, и, следовательно, ее присутствие на переговорах обязательно. Я захожу в ресторан за двадцать минут до начала встречи. Самойлова к этому времени должна была меня ждать за забронированным столиком, чтобы мы могли обсудить краткую презентацию проекта и согласовать внесенные корректировки. Но Алина умудряется опоздать, о чем забывает меня проинформировать хотя бы смс и является одновременно с инвесторами.

Спасают переговоры исключительно мой огромный опыт импровизации, и еще ... ее не соответствующее дресс-коду глубокое декольте, на которое отвлекаются возбужденные отнюдь не обсуждением проекта немцы. Самойлова несколько раз позволяет себе забыть о правилах делового тона и переходит на откровенный флирт. Немцам такой подход нравится. Мне – категорически нет. Сегодняшний игривый настрой инвесторов – исключение, а не правило. Я не придираюсь, это констатация факта и наработанный опыт. Я считаю подобный метод ведения деловых встреч неприемлемым и непрофессиональным. Но Самойлова рассуждает иначе, судя по тому, как она сияет самодовольством, протягивая мне папку с подписанными контрактами.

Как только процессия немецких партнёров удаляется, Алина с игривой улыбкой предлагает отметить удачное завершение переговоров бутылкой красного вина и недвусмысленно намекает на продолжение вечера в ее квартире на Арбате. Малозаманчивое предложение и дважды использованное. Я очень цивилизованно ее посылаю, но девушка непробиваема. Продолжая болтать о всякой ерунде, она без тени стеснения поглаживает под столом мое бедро носком своей туфли, медленно сдвигаясь в сторону паха. Раз не понимает намеков, то придется действовать более прямолинейно и жестко. Ее спасает звонок Эрика, сообщившего, что Эмилия покинула мои апартаменты.

Бросив в ресторане разочарованную Самойлову, я направляюсь к лифтам, по пути набирая номер Гордеевой. Она сразу берет трубку. Умница.

– Где ты, детка? – намеренно небрежным тоном спрашиваю я.

– Тебе уже доложили? Быстро, – голос Гордеевой звучит ровно, без единой интонации, по которой можно было бы определить ее настроение. – Не стоит беспокоиться, Адриан, я в порядке. Никаких жаждущих меня мужиков вокруг, – в динамике раздается приглушенный смешок. – Я поехала к себе, чтобы взять вещи первой необходимости.

– Почему ты отказалась от автомобиля? Эрик мог отвести тебя по любому адресу.

– Адриан, я не нуждаюсь в эскорте, – возражает нейтральным тоном. – Я сама эскорт. Ты забыл? Твой, между прочим. И у меня есть автомобиль, водить я умею, – рассудительно добавляет Гордеева, словно разговаривает с полоумным кретином.

– Твоя ирония не уместна, Эмилия. Собирай свои шмотки и возвращайся! – рявкаю в трубку. Черт, как ей удастся постоянно выводить меня какой-то парой фраз. Талант мозгоклюйства у вас, мисс Гордеева.

– В чем твоя проблема, Адриан? – официально, по-деловому уточняет Эмилия. – Я тщательно изучила контракт и не нашла там пункта, в котором прописано, что я обязана отчитываться перед тобой о каждом своем шаге.

– Не раздражай меня, детка! – предупреждаю я выбирающим низким тоном.

– И не собиралась. Если ты хочешь, чтобы я выполнила указанные в контракте обязанности, то так и скажи, – она сама сдержанность и дипломатичность. Бл*дь, даже немцы сегодня были более эмоциональными во время обсуждения условий договора. – Через час я буду в полном твоём распоряжении. У тебя есть особые пожелания? Какой ты хочешь видеть меня, Адриан? Голой или в сексуальном белье? Или мне заехать в секс-шоп и приобрести что-то особенное?

– Это провокация или обещание? – мрачно уточняю я, заходя в лифт.

– Как тебе нравится, так и понимай, Адриан, – воркующим голосом отзывается Эмилия. – Нам будет гораздо проще сотрудничать, если ты будешь конкретизировать свои желания.

Хорошо. Сама напросилась. Я тебе устрою конкретику, детка.

– Мне понравилась твоя идея с секс-шопом, малышка, – с фальшивым воодушевлением отвечаю я, игнорируя заинтересованный взгляд шатенки, вошедшей в лифт на одном этаже со мной. Похоже, она отлично владеет английским.

– Я вся во внимании. Записываю.

– Я думаю, ты запомнишь, – ухмыляюсь я. – Список небольшой. Костюм официантки, пара наручников и вибратор для двойного проникновения, – озвучиваю я свои пожелания. Шатенка едва сдерживает улыбку, окидывая меня все более настойчивым взглядом. – Поиграем в наглого бармена и провинившуюся официантку, – в трубке напряженная тишина. – Эмилия, ты там? Все-таки решила записать? Мне повторить?

– Я запомнила, Адриан, – ледяным тоном отзывается доигравшаяся гордячка.

– Мне продолжать конкретизировать? – спрашиваю я и, не дождавшись ответа, перехожу к делу. – Никакого белья, детка. Только фартук, короткая юбка, бейдж с именем и туфли на высоких каблуках. К моему возвращению ты должна лежать в кровати, пристёгнутая к изголовью и готовая принять наказание. Вибратор оставь на прикроватной тумбочке. И еще, Эмилия, я бы не хотел, чтобы ты им пользовалась без меня. – На другом конце вновь тишина и напряженное дыхание. Лифт бесшумно открывает двери. Пропустив вперед оглядывающую и кокетливо улыбающуюся шатенку, я выхожу в просторный холл и увереннодвигаюсь к выходу.

– У тебя есть встречные вопросы? – уточняю я у Гордеевой.

– Во сколько ты вернёшься? – она громко сглатывает. – Хочу понять, когда ... мне начинать выполнять твои пожелания.

– Сразу, детка, начинай. Долгое ожидание только усиливает остроту ощущений. Я хочу, чтобы ты как следует завелась до моего прихода.

– Поверь, я уже очень сильно завелась, Эйд, – самообладание гордячки дает сбой, и в ее голосе слышатся злые язвительные нотки. – Начинаю считать минуты и истекать от желания.

– Ты просто находка, малышка. Однозначно лучшее приобретение за последний год, – невозмутимо отвечаю я.

– А ты не лучший даже за последнюю неделю, Адриан, – разъярённо шипит в трубку Эмилия, отбросив в сторону притворство и деловой тон. – Но если ты требуешь, то я совру, что лучше тебя меня никто никогда не трахал. Все эти достойные, сексуальные, выносливые и потрясающие мужчины ничто на фоне неподражаемого альфа-самца Адриана Батлера. Ах, да, я же забыла, что их никогда не было.

– Добавь в список кляп-шар и флогер, детка, – металлическим тоном отвечаю я, до скрежета сжимая телефон.

– Будет сделано, мистер Батлер! – огрызается Гордеева и сбрасывает вызов.

– Сука, – сквозь зубы рычу я, со всей силы пиная ни в чем неповинный тротуарный бордюр. Рывком выдёргиваю сигарету из пачки и прикуриваю. Пальцы мелко дрожат, глаза застилает завеса бешеного гнева, а меня самого колотит от бешенства, настойчиво требующего выхода. Черт, я бы убил ее сейчас, попадись она мне под руку. И в ближайший час это состояние вряд ли отпустит.

– Адриан? Я думала, ты уехал, – окликает меня Алина Самойлова, приближаясь изящной походкой. Призывный взгляд, игривая улыбка, подпрыгивающие полушария в глубоком вырезе и вихляющая крепкая безотказная задница. Что, бл*дь, еще надо, чтобы выпустить пар и забыться?

– Твое предложение еще актуально? – резко спрашиваю я.

– Конечно, Адриан. Для тебя я всегда свободна, – улыбка Самойловой становится еще шире, демонстрируя отличную работу стоматологов и заодно напоминая, что она может открывать его еще шире и делает это с огромным удовольствием.

Глава 3

Адриан

Не помню, когда в последний раз являлся на работу в настолько дерьмовом настроении, что, кажется, заразил им половину офиса «Эталон групп». Первой, как полагается огребла секретарша, опоздав на три минуты.

В меру резкое замечание почему-то напугало Юлию до нервного лепета. И вместо того, чтобы собраться и исправить положение, она его только усугубила, приготовив мне эспрессо вместо американо. А после умудрилась забыть сделать массовую рассылку руководителям отделов о срочном собрании, и его пришлось перенести на час. В итоге совещание все-таки состоялось, и к его окончанию каждый присутствующий получил разгромную критику по результатам отчета по работе отделов за последний квартал. И к середине рабочего дня начал замечать, что стоит мне выйти из своего кабинета, как коридоры офиса мгновенно пустеют, и все сотрудники усиленно создают вид бурной деятельности.

Следующей попала под моральный пресс Алина Самойлова. Второй раз за последние сутки. Вчера ей пришлось отрабатывать по полной за грехи совершенной другой женщиной. Не уверен, что ей понравилось. И судя по тому, в каком настроении нахожусь сейчас, я тоже остался не доволен услугами мисс Самойловой. Алина оказалась не готова к жесткому и агрессивному секс-марафону и наверняка пожалела о гостеприимном приглашении, которое вряд ли повторит в ближайшем будущем. Надо отдать ей должное, обошлось без слез и претензий. В такси, на котором мы ехали утром в офис она подавленно молчала и избегала зрительного контакта, а следующие полдня не показывалась мне на глаза.

Но отсидеться не вышло. В обед я вызвал Самойлову к себе и в достаточно жесткой форме высказал свою позицию насчет ее вчерашнего опоздания на встречу с немцами, неготовности к проведению презентации и несоблюдение субординации во время делового ужина. Девушка выбежала от меня, как ошпаренная, и я подозреваю, что остаток дня она будет вздрагивать от каждого звонка рабочего телефона.

– Мистер Батлер... – в приоткрывшейся двери кабинета появилась испуганная мордашка секретарши.

– Адриан! Юля, я же просил, – поправляю сотрудницу в сотый раз, одарив тяжелым взглядом.

– Адриан, к вам пришла Эмилия Гордеева, – запинаясь сообщает Юлия.

Я удивленно вскидываю бровь, откидываясь на спинку офисного кресла. Неожиданно, однако. Догадываюсь, что Гордеева не на обед меня пригласить заявила. Я думал, что у горячки хватит терпения дожждаться вечера, но три пропущенных звонка вчера, и один утром свидетельствуют об обратном.

– Скажи мне, Юля, разве у Эмилии Гордеевой есть пропуск? – нейтральным тоном интересуюсь я.

– Нет, – вспыхнув, качает головой Юля.

– Тогда, как она прошла?

– Сергей Львович разрешил.

– Вот оно что, – раздраженно ухмыляюсь я. Надо поторопить Пола с вопросом выкупа контрольного пакета акций. Ограниченные полномочия меня не устраивают. – В моем графике встреч на сегодня есть фамилия Гордеева? – снова обращаюсь к то бледящей, то краснеющей секретарше.

– Нет, мист... Адриан, – лепечет девушка, и я в очередной раз ставлю себе напоминлку в электронный ежедневник, чтобы не забыть отправить заявку в отдел кадров на открытие вакансии секретаря. Может, и правда надо было взять

Крестину в состав московской группы? Мисс Тэйт очень активно убеждала меня, что никто кроме нее не справится с обязанностями секретарши лучше, потому как никто кроме нее не знает лучше о моих требованиях и потребностях. И это чертовски правдиво и справедливо, если бы не одно «но». Но о нем позже. Кристина незаменима в «ADcom Global», а здесь я как-нибудь справлюсь.

– Что-то еще, Юлия? – официально осведомляюсь я у застывшей в дверях почти бывшей секретарши.

– Эмилия настаивает. Она сказала, что вы договаривались о встрече лично.

– Никаких личных встреч у меня на сегодня не запланировано, – ледяным тоном отрезаю я. – Если у Гордеевой есть какой-то вопрос ко мне, то запиши ее на ближайшее свободное время.

– Хорошо, мист... Адриан, – кивает Юля и закрывает за собой дверь и меньше чем через минуты заходит снова. Еще более испуганная и ... с картонной коробкой в руках.

– Что это? – сухо уточняю я.

– Эмилия просила передать, что внутри документы по проекту «ускользающая мечта бармена», – сконфужено сообщает Юлия, лишив меня на пару секунд дара речи. Воспользовавшись моим временным ступором, девушка семенит быстрыми шагами к столу и осторожно ставит коробку на стол.

– Она так и сказала? – прочистив горло, хрипло спрашиваю я.

– Да, именно так, – подтверждает Юля.

– Можешь идти, – отпускаю девушку и, дернув узел галстука, двигаю к себе «посылку» мисс Гордеевой. Воспользовавшись ножичком для вскрытия корреспонденции, открываю коробку и, заглянув внутрь, взрываюсь от хохота. На дне аккуратно сложены костюм официантки и все остальные атрибуты из оговорённого нами списка. А сверху фото изогнувшейся в сексуальной позе Эмилии. Она лежит на кровати в том виде, в каком я приказал вчера ждать меня. Лакированные черные туфли на шпильках, полупрозрачный фартук на голое

тело, просвечивающий розовые соски, наручники... на одном запястье (второй рукой она делает фото). Кляп-шар на кожаном ремешке висит на шее, как ожерелье. Фото захватывает прикроватную тумбочку, где лежат флогер и вибратор, дожидаясь своего звёздного часа. Все по списку. Отсутствует только юбка. И нижнее белье, которого на ней и не должно быть.

Охренеть, детка. Ты неподражаема.

Пока я рассматриваю Эмилию, возбуждаясь как подросток на фото из плейбоя, снимок начинает быстро блёкнуть и в течение нескольких секунд исчезает полностью.

«Ускользящая мечта бармена»

Она действительно сумасшедшая. Приступ нездорового веселья быстро сменяется приступом болезненного напряжения в штанах и становится совсем не до смеха.

– Юля, – обращаюсь к секретарше, нажав на кнопку селектора. – Эмилия Гордеева ушла?

– Нет, сэр. Она здесь.

– Пусть зайдет.

Эмилия

Иногда цель оправдывает средства.

Именно с этой мыслью я врываюсь в кабинет Батлера, точнее, грациозной походкой заплываю в пропитанное проблемами, угнетающим напряжением и агрессией пространство его кабинета.

Одного взгляда на Адриана мне достаточно для того, чтобы понять, что бесконечные бизнес-схемы, встречи и совещания, претензии и требования партнеров занимают девяносто процентов его мыслей. Мой оригинальный

подарок посреди рабочего дня – всего лишь гениальный стратегический шаг в плане по захвату его сердца и доверия.

Я преподнесла ему эротическую мечту с доставкой в офис. Теперь, каждый раз, когда он будет смотреть на свой стол, Адриан будет видеть не скучные документы, договора и прочую подавляющую атрибутику бизнеса, а эту сексуальную кошечку, какой я постаралась выглядеть на фото.

Театр одной актрисы, черт бы его побрал.

Сейчас, когда я отошла от болевого шока и окончательно смирилась с тем, что на ближайшие полгода я вынужденная эскортница и любовница Адриана Батлера, я решила сменить тактику своего поведения. Не принимать близко к сердцу все происходящее и вернуть фокус внимания к своей цели – «Мечта», кресло Батлера или как минимум заместителя генерального директора.

Возможно, любая другая бы на моем месте поддалась бы эмоциям, закрылась в себе, впала в страшную депрессию, но не я.

Не зря меня за спиной называли «акулой бизнеса» – и хорошо, что Батлер не знает о том, как золотая рыбка, которая периодически будет исполнять все его желания, окажется на редкость зубастой пираньей.

К черту гордость и принципы, я не в том положении, чтобы идти на неоправданный риск и подставлять под угрозу жизнь Марка, да и свою жизнь. Если я сделаю что-либо неугодное «хозяину», ему будет достаточно пару часов на то, чтобы стереть годы моей жизни, которые я потратила на восхождение к вершине карьеры в порошок.

Да, к черту. Этот проклятый контракт – строго бизнес.

Никаких истинных чувств.

Никаких соплей и настоящих эмоций.

Лишь идеальная актерская игра, горячий секс, который мне как ни крути приятен.

И полное уничтожение Батлера через полгода.

Честное слово, я уже зачеркиваю дни в календаре, мечтая о том моменте, когда увижу мольбу о помиловании в его бесстыжих глазах.

Хищно прищурившись, Адриан выстреливает в меня цепким взглядом и как всегда, попадает точно в цель; моё сердце совершает предательски опасное сальто в груди, каждая клеточка тела на мгновение леденеет, как это часто бывает при любом контакте с этим бескомпромиссным мужчиной.

Черт. Мне стоит поучиться у него самообладанию и очень надеюсь, что когда-нибудь мои внутренние реакции на Батлера перестанут доводить меня до приступов тахикардии.

После кратковременного оцепенения я ощущаю бешеную циркуляцию крови по венам, и учащенное дыхание, вызванное волнением перед началом моего спектакля.

Поднимаю ворот своего наглухо закрытого кремового тренча, подол которого закрывает щиколотки. И я совсем не случайно забыла снять его в гардеробе. Все дело в том, что под верхней одеждой на мне нет ничего, кроме красного кружевного нижнего белья – так сказать, козырная карта любой женщины, когда ей что-то очень нужно от своего мужчины.

– Очень интересно, по какой причине ты врываешься в офис, где больше не работаешь, и так упорно настаиваешь на встрече в мое рабочее время, Эмилия, – нарочито равнодушным и официальным тоном заявляет Адриан. Но я чувствую, что мое присутствие будоражит Батлера не меньше, чем меня его. Губы американца трогает едва заметная ухмылка, одна бровь высокомерно изгибается, когда я делаю пару медленных шагов в его сторону, играя с пояском на талии.

– Я пришла сюда по собственному желанию. Если ты понимаешь, о чем я, Адриан, – низким, вовлекающим в свои сети голосом обещаю ублюдку призрачный рай и горячий секс, который он уже наверняка представил в своем нездоровом воображении. Чтобы закрепить эффект соблазнения, тяну пояс тренча, припуская его с плеч. Ни одно мое движение не ускользает от обволакивающего и пристального взгляда Батлера.

Низ живота тяжелеет, наливаясь густым желанием. Я действительно млею от наших игр, и мне это не очень нравится...зато, способствует натуральности задуманной сцены и его согласию на мое возвращение в офис.

Мужчина убирает руки в карманы брюк, инстинктивно расправляет плечи. Его тело источает флюиды тестостерона, мужественности, здоровой агрессии, свойственной многим бизнесменам. Из-за коробки, которая загораживает мне обзор на его тело я не вижу, насколько сильно он возбужден, но уверена в том, что разум Батлера уже достаточно затуманен, и думает он сейчас не головным мозгом. А значит, время заключить приложение к нашему контракту, где он возвращает мне мою «мечту», в которую уже зубами и когтями впилась Самойлова.

– Как всегда остра на язык, Эмили. Да только не в те моменты, когда это необходимо. Все это очень мило, Эм, – кидает многозначительный взгляд на волшебную коробку и возвращает его к моим глазам. – Меня радует, что ты так послушно выполнила все мои указания вчера. Однако рабочий день в самом разгаре, и твое красноречивое предложение, с которым ты пришла сейчас в таком виде меня не интересует, – вкрадчиво произносит Адриан, и я замечаю, как крупная вена на его шее пульсирует в такт с моим сердцем.

Ну как же, мистер Батлер. Я бы поверила вам. Если бы не этот голодный взгляд, которым ты уже явно приспускаешь тонкий бралетт с моей груди в своем воображении. Может быть здесь, на рабочем месте ты сотворен из стали, но я же знаю, чувствую...что у меня есть над тобой определенная власть.

– Не интересует? – тренч соскальзывает с моих плеч, и я решительно распахиваю его полы. Окончательно освободившись от верхней одежды, кидаю её прямо на стол, а именно на многочисленные бумаги Батлера. Взглядом бросаю хищнику вызов, ощущая покалывание на изнанке всей поверхности кожи.

Мои действия довольно рискованны, но я иду ва-банк. И судя по дьявольским искрам, затанцевавшим в темных зрачках Батлера ему чертовски нравится, когда я плохая и наглая девочка.

Женщина, которая знает, чего она хочет.

А я хочу не так уж много – проект всей моей жизни обратно, сбор компромата на личность Батлера, досрочное окончание нашего контракта и щелкнуть его по носу, когда все закончится. Провести острым каблучком по его позвонкам, наслаждаясь мгновением триумфа.

Батлер, наконец, оглядывает меня всю. С ног до головы, обволакивая волной мужского внимания и восхищения. Тщательно скрываемого внешне, но ощутимого на энергетическом уровне.

Это придает мне смелости и, не раздумывая, я бедрами сажусь на стол и спускаю ноги с противоположного края столешницы, оказываясь примерно в двадцати сантиметрах от Адриана.

– Уверена, мистер Батлер, что вас заинтересует мое предложение. Несмотря на небольшие требования с нашей стороны, взамен, я думаю, вы окажитесь довольны нашим сотрудничеством, – наши горячие взгляды, между которыми вибрирует тягучее и плавящее воздух взаимное притяжение сталкиваются в опасной близости. Скулы Батлера заостряются, в тот момент, когда я медленно раздвигаю ноги и прогибаюсь в спине, обхватывая ладонями край деревянной поверхности, расположенной между бедер.

– И с чем связаны такие перемены в степени вашей заинтересованности в нашем сотрудничестве, мисс Гордеева? – приглушенно рокошет Батлер, кидая на меня подозрительный взгляд, которым пытается вывести мои замыслы на чистую воду. Ещё бы, после моего выступления в бильярдной, мне куда тяжелее будет добиться от него лояльности через долбаное соблазнение.

И если вы думаете, что мне все это приятно, и я не считаю себя падшей проституткой, то вы ошибаетесь. Я просто...хочу свою жизнь обратно. Свою свободу. Любым, главное самым быстрым и оптимальным способом.

Я не привыкла отчитываться перед мужчиной. Например, как вчера, когда воспользовалась своей машиной и уехала домой.

Я не привыкла слушаться, зависеть от чужого мнения, ставить отношения в центр своей жизни и мировосприятия.

Я привыкла быть одной и, честно говоря, предпочла бы жизнь вольной птицы в статусе жены Демидова, чем отношения, подразумевающие под собой настоящую эмоциональную близость с человеком.

Мне это не нужно. Зачем?

Чтобы потом, пусть не сейчас, но через несколько лет сказка испарилась, а дом и семья превратились бы в поле войны? Чтобы твой муж, которого ты полюбила всем сердцем и родила ему наследника, начал пить или гулять, как это бывает в большинстве случаев? Статистика подтверждает мои опасения. К тому же есть наглядный пример моей мамы. Она дострадалась до остановки сердца и пыталась поднять нас с Викой с колен, пока сама на них не упала...и разбилась.

Взять Вику, которая когда-то доверилась чувствам и стала матерью одиночкой.

По мне так лучше никогда не влюбляться, не попадать в сказку, чем однажды быть безжалостно вышвырнутой из своих собственных иллюзий.

– С тем, что я все равно в ловушке, Батлер, – провокационно поведя плечом, хватаю его за галстук и притягиваю ближе к себе, не разрывая зрительного противостояния. Он позволяет, продолжая смотреть на меня с напускным равнодушием, но я знаю, как растопить ледяную вечность в замерзшем сердце Кая*. – Я могу выбрать провести эти полгода в депрессии и отчаянии. А могу получать удовольствие. Много удовольствия. Только ты можешь мне дать его, Адриан, – тяну Батлера на себя, и в это мгновение его горячие и крупные ладони обхватывают мою талию собственническим захватом. – Открою тебе секрет: до тебя я ни с кем не достигала оргазма. Никогда, – это правда. И небольшой психологический прием, который доведет его до ручки. Пусть думает, что он особенный. Так и есть. Особенный подонок в моей жизни. – Ты Бог секса, Адриан Батлер, – шепчу я в его ухо, ощущая, как его руки сжимают меня сильнее, словно Адриан хочет сломать меня пополам.

– Какие смелые комплименты, Эмилия, – обхватывает мои скулы, выдыхая в считанных миллиметрах от моего рта. – И в чем же подвох, детка? Почему ты не поняла этого раньше, демонстрируя свое упрямство? Твое послушание пока вызывает лишь подозрения, ты снова что-то задумала, – ладони Адриана соскальзывают ниже. Оттягивая резинки трусиков по бокам, он достигает цели и жестко обхватывает мои ягодицы, нетерпеливо и требовательно сжимая их, и,

согревая своими ладонями.

Черт.

Едва ли в голос не всхлипываю от желания ощутить его внутри. Но он не получит меня по-настоящему, пока не прогнется под мои условия и не выполнит некоторые просьбы.

– Нет никакого подвоха, мистер Батлер. Раз уж ты вынудил меня, и контракт давно подписан, я не против перемирия. Отношений и всё такое. И всех вытекающих из них преимуществ. Для меня, – невинно хлопаю ресничками, тонко намекая Батлеру на возвращение меня в рабочие дела.

– Так вот ты какая, Эмилия Гордеева. Как я и говорил, жадная девочка, которой был неуютен всего лишь бармен. Все это время я был прав, и ты лишь набивала себе цену? – вскидывая одну бровь, Батлер напоминает об обстоятельствах нашей встречи.

Ты кретин, если думаешь, что для меня все происходящее – норма. Но если тебе так угодно, думай, Батлер. Я не знаю, когда ты уже наконец поймешь, что до того, как я тебя встретила, я не то, чтобы ни с кем не спала ради повышения, а вообще не испытывала влечения и мечтала пройтись по саду в одном из моих арт-отелей и гордо сказать самой себе, что всего этого я достигла сама.

Даже такую банальную радость ты у меня отнял. Моя «мечта» мне достанется с привкусом горечи, но я все равно не откажусь от неё. Да даже если бы отказалась, все равно была бы вынуждена плясать под твою дудку ради сестры, Маруси и Марка.

– Возможно, Адриан. Но теперь, когда я внесла в наши отношения немного ясности, я надеюсь, ты подумаешь над возвращением мне моего проекта? Ты же не обидишь свою девочку? – игривым тоном спрашиваю у Адриана, приближаясь к его губам...едва касаюсь их, подразнивая чертовски медленно и нежно.

– Хм, я подумаю. А она точно позволит мне делать, все, что я захочу? – вскрикиваю, ощущая хлесткий удар кожаной ткани по своему бедру. Не больно, но я вздрагиваю от неожиданности и нервно сглатываю, замечая боковым зрением, что в одной руке Батлер сжимает рукоять флогера. Я засмотрелась в

его глаза и даже не заметила, как он отпустил меня и достал из коробки это орудие пыток, что я сама и купила.

– Ах, – сдавленно выдыхаю, прижимаясь к его твердой груди затвердевшими сосками. Судя по судорожному вздоху Батлера, ему чертовски приятно ощущать, когда я лгну к нему. Не хватает ощущение его кожи вплотную к моей – обнаженной, без всяких преград. – В рамках разумного. Не уверена, что готова к двойному проникновению, Ад...

Адриан глухо смеется, аккуратно сталкивая нас лбами. Наши дыхания сплетаются в воздухе, в кабинете становится жарко, как в эпицентре вулкана.

– Думаешь, меня можно загнать в рамки? Так этот проект настолько дорог тебе, что ты явилась в мой кабинет в полуголом виде? Хитро, женщина, ничего не скажешь. Но все ещё недостаточно для того, чтобы заслужить мое милосердие, – угрожающее рычит Батлер, проводя флогером по моему бедру.

Я импровизирую и, поддавшись эмоциям, толкаю его на широкое кожаное кресло. Его брови сдвигаются к переносице, когда я забираюсь на колени Батлера и освобождаю его шею от уз галстука, великолепно натренированное тело от рубашки. Обнажив рельефные мышцы, с наслаждением провожу ладонями по гладкому и сильному торсу, продолжая смотреть в почерневшие глаза. Черт, он опять это делает. Заставляет меня терять голову и даже жалеть о том, что все, между нами не по-настоящему.

«Тебе страшно, девочка. Думаешь, это будет что-то значить? Что ты захочешь большего, чем просто секс и контракт?»

Нет...не думаю так...не будет. Никогда.

– Думай, как тебе угодно. Я пришла, потому что захотела тебя. Вот и всё, – к моему удивлению, эти слова звучат куда более искренне, чем все, что я сказала ему до них.

Адриан молча проводит большим пальцем по моим губам. Прикрывает глаза на миг, словно наслаждается их мягкостью. Когда Батлер снова открывает глаза, его черты вновь искажает дьявольская маска. Сейчас он не внушает мне страх. Лишь напоминает о том, что видит меня насквозь. И только после этого я

ощущаю, как что-то твердое касается моего пульсирующего от мучительной прелюдии клитора.

– Адриан, нет...не так. Только не этой штукой, – умоляю я, когда на мгновение опускаю взгляд и понимаю, что этот мужчина вздумал использовать рукоять флогера вместо вибратора.

– Именно так, детка. Так горячо и грязно. Как ты этого заслуживаешь, – он ведет закругленную часть рукояти вниз, прямо по кружевной ткани, которая только усиливает острые ощущения, и останавливает наконечник у самого входа. Повторяет это движение несколько раз, пока я не начинаю прерывисто выдыхать, ерзая у него на коленях, и, содрогаюсь от возбуждения. Оголяюсь перед ним, словно искрящийся проводок.

К тому времени, когда я не выдерживаю и достаю стоящий колом член из его брюк, Батлер резко притягивает меня ещё ближе к себе. Опуская бралетт так, что ткань начинает болезненно давить на грудь и открывает мужчине отличный обзор на эту часть моего тела. Грудь у меня небольшая и долгое время была центром комплексов, и мне с трудом удастся побороть свое смущение при таком ярком дневном свете.

– Такая красивая и аккуратная. Сладкая детка, – добавляет к своей мастерской пытке флогером язык и губы, что поочередно обхватывают мои соски, лаская их так, будто действительно хочет меня съесть.

Мы оба растворяемся в приступе безумия на этом чертовом кресле. Я стараюсь представить, что все происходящее не со мной.

Это не я трахаюсь по контракту, очерняя внутренние принципы Эмилии Гордеевой.

Это некая «детка», игрушка в руках Адриана Батлера.

Черт возьми, мы фактически трахаемся в кабинете, который принадлежал Сергею Львовичу. До чего он меня довел? Как я могу это принять, когда начинаю об этом думать? Я готова умереть от стыда, от одной лишь мысли, что ближайшие полгода меня ждет расстрел, если я не буду угождать Батлеру во всех смыслах. Что за жизнь такая, как на аркане?

Но если отбросить доводы разума, остаются лишь обнаженные инстинкты, которые мы не стесняемся проявлять прямо здесь и сейчас. Мои нежные стоны, заглушены утробным рычанием Батлера.

– Так ты вернешь мне мой проект, Адриан? – тяжело дыша, успеваю спросить я, не переставая вращать бедрами навстречу флогеру, которым он уже давно дразнит меня, отодвинув в сторону ткань трусиков. Я в свою очередь увлеклась его твердым членом, который изучила тыльной? стороной ладони вдоль и поперек, вплоть до каждой вены.

– Понаблюдаю за твоим дальнейшим поведением, детка, – Батлер отбрасывает атрибут из секс-шопа в сторону. В его глазах мелькают одержимые молнии, и в следующее мгновение он уже обхватывает меня за талию и приподнимает. Толкает к своему рабочему столу, чтобы нагнуть над ним за секунду. Пристроиться сзади и, проведя каменным членом между моих ягодиц, наклониться к уху и прошептать:

– Только не кричи сильно, малышка. Секретарша услышит. Если ты вернешься к проекту, все будут знать, как именно ты уговорила меня изменить решение и каким местом доказала свою профпригодность, – ухмыляется Адриан, заставляя меня онеметь от подобных слов и вновь вспылать к нему лютой ненавистью. Пусть говорит всякое дерьмо чаще. Это охренеть, как отрезвляет меня в подобные моменты страсти и спускает с небес на землю.

Адриан замирает у входа, заставляя меня судорожно вдохнуть и закусить губу в ожидании...

Как вдруг происходит вполне ожидаемая в офисе вещь: ручка двери кабинета резко поворачивается с другой стороны, но, к счастью, она не открывается, потому что я все-таки додумалась закрыть её на замок.

– Адриан? Ты там вздремнуть решил? У нас встреча через полчаса с немцами. Чем ты там таким занят, что не отвечаешь на срочные звонки? – мужской посторонний голос заставляет меня вздрогнуть и порывисто дернуться в железной хватке Батлера. Черт, черт, черт. Позорище.

– Гиббс... – разочарованно стонет Адриан, до боли сжимая мои бедра. Поаккуратней, мерзавец. Только попробуй оставить на них синяки. Снова. Мне подсобки хватило. – Как обычно на самом интересном. Эми, мне нужно идти. Не знаю, как долго выдержу в таком состоянии, – признается раздраженным шепотом Батлер, обхватив мочку моего уха губами, но лишь на мгновение.

– Детали твоего возвращения на работу обсудим дома. Возможно, я пойду тебе навстречу. Если ты будешь продолжать в том же духе, – когда я разворачиваюсь к Батлеру, он уже ныряет обратно в свою рубашку.

– Адриан, время! Опаздывать нельзя, ты и сам понимаешь, – продолжает долбиться Гиббс.

– Я надеюсь, ты решила вопрос с Демидовым? – Адриан слегка обхватывает меня за шею, когда я пытаюсь устоять на дрожащих ногах, завязываю обратно поясok своего тренча.

– Ещё нет, – нервно бросаю, отводя взор.

– Почему? – лицо Батлера каменеет за секунду. Вот, о чем я говорила. Любое неповиновение, и он уже вновь смотрит на меня, как будто я пустое место. Лишь подпись на бумажке по оказанию услуг.

– Я займусь этим вопросом сегодня же, – бурчу себе под нос.

– Злая и неудовлетворенная детка, – самодовольная улыбка кривит его чувственные губы.

– Можно подумать, ты удовлетворен, – парирую я, возводя взгляд к потолку.

– Нет. Но мне нравится, когда ты злишься, гордячка. Этим и зацепила. Никогда не забуду, как ты лягалась в подсобке, – признается Адриан и вдруг обрушивает на мои губы жесткий, собственнический поцелуй, забирающий весь запас кислорода из моих легких.

– Уйдешь через лифт, Эмили, – Адриан кивает не в сторону двери, а в сторону личного лифта, на котором генеральный директор может подниматься и

опускаться в свой кабинет прямо с парковки. Дает мне ключ от него, открывая тумбочку. Надо же, какой джентльмен. Я впечатлена. – А теперь беги, детка. До вечера.

– Адриан, – окликаю я, в тот момент, когда он замирает у входной двери, а я у распахнувшихся створок лифта. – Пожалуйста, отзови Самойлову от проекта. И очень тебя прошу...никого, кроме меня, – надеюсь, он понимает, что я имею в виду. Не трахай, мать твою, никого кроме меня во время действия контракта. Произнести это вслух чертовски трудно. Мне страшно даже подумать о том, что Адриан имеет на неделе нескольких женщин.

Во-первых, это нехило бьет по самооценке, как бы плевать мне на него ни было.

Во-вторых, это просто отвратительно. Знать, что тот, кто насильно пихает свой член в тебя, ещё и регулярно пихает его в другую.

– Ревнуешь? – расплывается в лукавой улыбке Батлер.

– Ты мой на эти полгода. Прошу тебя, Адриан. Никаких других женщин. Прояви уважение. Это мое здоровье, в первую очередь. Ты можешь сколько угодно заявлять о том, что трахаешься с презервативами, но и они рвутся, и вообще...

– Признайся, что ты просто ревнуешь, детка, – самонадеянно настаивает Батлер.

– Ну, тешь себя этой иллюзией. Но быть может, и немного ревную. Как знать, мистер Батлер, – бросаю я и исчезаю в лифте. Последнее, что я слышу:

– Сучка, – и двери личного лифта Батлера с характерным сигналом закрываются, и я стремительно спускаюсь вниз, рассматривая в зеркале свои розовые щеки, кипишь вместо укладки и лицо, искаженное мучительным неудовлетворением. Любой гинеколог скажет, что это чертовски вредно – возбуждаться до предела и не получить разрядки. В голове не укладывается, как Адриан высидит свою встречу, но злорадно улыбаюсь, представляя его мучения.

– Это просто секс. Только бизнес. Потерпи, Эмили, – как мантру повторяю я, глядя на свое отражение. Достая телефон, нахожу в файлах сохраненное фото порно сцены Демидова с Алиной Самойловой и отправляю своему бывшему

жениху без лишних слов и разглагольствований.

Хорошо, что у меня нет глубоких чувств к Лешке, иначе измену я переживала бы очень болезненно. А так, она ударила лишь по моему самолюбию, и ни одну жизнь не отняла... Я никогда не питала иллюзий насчет Алексея Демидова. Бесило другое, что помимо вереницы одноразовых моделей он не побрезговал Самойловой, отлично зная о нашем с ней конфликте. Это подло, но не смертельно. В свете последних событий, предательство Демидова не самое ужасное, что могло произойти.

По-настоящему разбило бы меня другое: если бы я однажды позволила себе влюбиться, и была бы так безжалостно предана. Вику я собирала по частям в этот трудный период и переживала её боль, почти как свою собственную.

Поэтому я никогда не совершу подобную глупость.

Вспомнив о Вике, не убираю телефон и набираю её номер, как только выхожу из лифта.

– Привет, моя милая, ну как вы там?

– Хорошо, Лия, просто прекрасно. Здесь настоящая сказка! Правда Марку пока не прогнозируют положительного результата, но хорошая динамика присутствует. Врачи говорят, что у Марика запущенная форма, и, если бы мы вовремя не начали, могли бы опоздать...ты спасла ему жизнь, Ли. Мне никогда не расплатиться с тобой за все, что ты для нас сделала.

Да уж. Для начала мне бы с личным дьяволом расплатиться и вздохнуть свободно.

Адриан

Никого, кроме меня.

Смело, нагло, необоснованно, но черт мне нравится, когда она включает собственницу. В этом есть что-то новое, неизведанное. От меня никогда не требовали верности, не бесились так откровенно, если я не являлся на

назначенную встречу, не соизволив предупредить. Не думал, что меня может задеть в приятном смысле женская ревность.

Ты только мой на эти полгода.

Самонадеянные и отчасти абсурдные заявления Гордеевой неоднократно всплывают в голове, пока я вполуха слушаю более расширенную презентацию Самойловой. Болезненная эрекция никак не сходит и только подпитывается моими извращенными мыслями в адрес Эмили, принося ощутимый дискомфорт. Черт, каких-то пять минут, и мы могли бы оба кончить. Она была на взводе. Я тоже. Немного не уложились. Эмилия, как всегда слишком много болтала и торговалась, вместо того, чтобы доставить нам обоим удовольствие. Черт, а как она была горяча верхом на моем столе с моим членом в руках и в провокационном белье, которое хотелось содрать с ее сексуального тела, едва она распахнула свой тренч. Эта хитрая лиса точно знает, как завести мужчину и заставить его забыть о важных переговорах и то, что наговорила вчера, едва не спровоцировав на непредумышленное убийство.

Встреча с немцами проходит в конференц-зале за закрытыми дверями. Команда директоров, юристов и ассистентов с обеих сторон в полном составе. После моих замечаний и бурной ночной встряски.

Алина не осмеливается использовать игривый тон и флирт с будущими инвесторами. Ее голос звучит сухо, монотонно и незаинтересованно. Взгляд Самойловой горел только вчера, когда немцы таранились на ее ложбинку в глубоком вырезе. Сегодня, когда пришло время проявить свои деловые качества, девушка «сдулась» и от бывшего энтузиазма не осталось и следа.

К середине невпечатляющей речи Самойловой, Сергей Демидов начал проявлять признаки тревоги, а Пол Баррет и Клайд Гиббс откровенно заскучили. Вскоре и немецкие инвесторы начали терять интерес к рекламируемому проекту. Пришлось срочно перехватывать инициативу, пока второй этап переговоров не сорвался, и конец презентации я провожу сам, отправив пунцовую и сконфуженную Алину на скамью «запасных». Как итог – подписание долгосрочного договора.

После соблюдения бюрократических процедур удовлетворенная сделкой немецкая делегация удаляется, и в конференц-зале остается только узкий круг

управляющего состава «Эталон групп», включая Олега Григорьева, на акции которого навел прицел Пол Баррет. Однако пока его манипуляции не принесли ожидаемого эффекта. Возможно, предположение Пола о внутреннем расколе в совете учредителей «Эталон групп» ошибочно, хотя во время общих совещаний я не мог не обратить внимание на напряженность между Григорьевым и Демидовым. Я бы не назвал это откровенной неприязнью, скорее подчеркнутой сдержанностью. Они никогда не вступали в открытый диспут, поддерживая сугубо деловой стиль общения, в то время как с остальными членами правления Демидов демонстрировал дружественный тон. И на юбилее Сергея присутствовали все акционеры, за исключением одного – Олега Григорьева. Это несколько странно, учитывая, что Григорьев является держателем крупного пакета акций и в компании пользуется безусловным авторитетом.

Из материалов личного досье мне известно, что Демидов старше Григорьева на шесть лет, и в бизнес они пришли одновременно. То есть оба стояли у руля создания «Эталон Групп», остальные акционеры присоединились позднее. Однако главенствующая роль на протяжении тридцати лет существования компании принадлежала Сергею, и, вероятно, этот факт мог стать камнем преткновения или поводом для зависти и соперничества. Наблюдая за бизнесменами на официальных мероприятиях, я так и не смог сделать окончательный вывод и определить наличие или отсутствие конфликта. Личное мнение о Григорьеве тоже пока составить сложно. Все наше взаимодействие происходит через третьих лиц. Внешне он производит впечатление респектабельного, собранного, уверенного в себе успешного человека. Но что скрывается за безупречным фасадом бизнесмена, я надеюсь, в ближайшее время мне поведаст Пол Баррет.

Как только дверь за инвесторами закрывается, вежливая улыбка мгновенно сползает с лица Сергея Демидова.

– Алина Евгеньевна, вы уверены, что готовы и дальше заниматься проектом? Или ваше назначение было ошибочным? – не скрывая недовольства, первым делом он обращается напрямую к Самойловой. – Что за невнятное блеяние мы сейчас слышали? Вы удосужились изучить материалы переданного вам проекта?

Девушка заметно стушевалась под тяжелым взглядом Демидова.

– Сергей Львович, я признаю, что недостаточно подготовилась к презентации, но у меня было слишком мало времени.

– Это не оправдание! Если берете на себя ответственность, то должны быть готовы ответить на любой вопрос и в любое время суток, – бескомпромиссно отрезает Сергей.

– Я понимаю. Подобного больше не повторится, – опутив глаза, проговаривает Алина.

– Очень на это надеюсь. Можете идти, Самойлова, – все с таким же раздражением отвечает Демидов, указав на дверь. Ссутулив плечи, и, запинаясь на каждом шагу, девушка быстро покидает кабинет.

– Адриан, я уважаю твое мнение относительно профессиональных качеств сотрудников, но прошу впредь обсуждать со мной решение кадровых вопросов, – Сергей переключается на меня. Я отвечаю ему внимательным взглядом, сохраняя деловую невозмутимость. – Сегодня у тебя получилось спасти переговоры, которые чуть было не сорвались из-за некомпетентности топ-менеджера, кого ты счел подходящей кандидатурой для управления «Мечтой».

– Данный инцидент станет для Самойловой хорошим уроком. Уверен, она больше не допустит подобной ошибки, – сдержанным тоном утверждаю я. – Каждый заслуживает право на второй шанс.

– Вот именно! – поддерживает Сергей. – Поэтому я настаиваю на возвращении в компанию Гордеевой. У меня состоялся с ней сегодня неофициальный разговор, и она заверила меня, что пересмотрела свою позицию и готова приступить к работе в любой момент.

Неофициальный разговор, значит? Готова приступить к работе? Стиснув зубы, проглатываю вспыхнувшую ярость. За моей спиной начала действовать наглая сучка. Успела подсуетиться не только в моем кабинете. И несостоявшегося родственника навестила, перетянув на свою сторону. Я узнаю вечером, какими именно методами ей удалось выбить себе покровительство Сергея Демидова.

– Где гарантия, что позиция Гордеевой не изменится через неделю или месяц? – сухо спрашиваю я, наталкиваясь на категоричный взгляд Демидова. Не надо быть экстрасенсом, чтобы понять – Сергей имеет противоположную точку зрения. – Эмоциональные решения в бизнесе недопустимы, и могут привести к

многомиллионным убыткам, – лаконично закачиваю свою мысль.

– Адриан, я бы прислушался к мнению Сергея! – присоединяется к дискуссии Гиббс, впервые поддержав не мою сторону. А вот это нам стоит будет обсудить без свидетелей. – Он лучше знает, кто из его сотрудников обладает большим потенциалом. «Мечта» слишком объемное направление для госпожи Самойловой и требует особого подхода. Она не готова. Это видно невооруженным взглядом. Логично передать управление тому, кто изначально разрабатывал проект и знаком со всеми нюансами, подводными камнями и достоинствами новой сети отелей.

– Я подумаю, но сначала переговорю с Гордеевой, – произношу стальным тоном.

– Насколько мне известно, разговор у вас уже состоялся, – с напором выдает Демидов.

– Мы не успели закончить, – невозмутимо отвечаю я, почувствовав на себе вопросительный взгляд Пола Баррета. То, «насколько мы не успели» не дает забыть свинцовое напряжение в брюках.

– Прошу не откладывать и решить вопрос с Гордеевой к завтрашнему дню, – ультимативно заявляет Демидов.

Я с трудом сдерживаю ухмылку, подозревая, что наблюдательный Пол в два счета поймет, как именно я собираюсь решать вопросы с Эмилией. Сохранить лицо мне помогает растущее раздражение от того, что мои управленческие решения выносятся на обсуждения.

– Сергей Львович, я считаю, что категоричный подход в данном случае не уместен. – К моему удивлению вступает в обсуждение Григорьев. И это происходит впервые. – Адриан вправе самостоятельно решать в какой команде запускать проект. Гордеева внесла огромный вклад в создание «Мечты», но Батлер прав и эмоциональные всплески в деловой сфере недопустимы.

Демидов, похоже, удивлен не меньше меня. Напряженная линия челюсти и холодный блеск глаз выдают крайнюю степень недовольства.

– Эмилия никогда не проявляла эмоциональность в работе, Олег, – яростно возражает Сергей. – Ни одного срыва за пять лет. Ни одного больничного, ее даже в отпуск отправить пришлось в приказном порядке. Да она выносливее любого из вас, – несдержанно бросает Сергей. – Пока вы просиживаете задницы в своих креслах, она зарабатывает вам миллионы, и тебе тоже, Олег... Андреевич.

– Я думаю будет лучше закрыть вопрос и вернуться на свои места и приступить к решению текущих проблем, – нейтрально-официальным тоном подводит черту Григорьев, мгновенно охлаждая негодование со стороны Демидова.

С некоторым замешательством я наблюдаю, как коллеги неторопливо покидают зал переговоров. Просиживать задницы в своих кабинетах, похоже, никто не спешит. Если убрать в сторону иронию, то достаточно жесткий «наезд» Демидова меня озадачил, и кое-что прояснил. Как человек, вращающийся в сфере бизнеса больше десяти лет, я умею отличить негодование руководителя, отстаивающего ценного сотрудника, и ярость любовника, вступившего за свою сучку.

В данном случае – определённо первый вариант. И, кажется, я понимаю, почему Демидов-старший поддерживал брак сына с Гордеевой. Вероятно, он был главным инициатором, подтолкнув непутёвого сына к серьезному шагу. Демидову нужен приемник. Тот, кому он сможет передать свое дело и сохранить внутри семьи.

Черт побери, а ведь Гордеева действительно могла сесть в мое кресло.

Для этого нужно было совсем немного.

Не быть такой возбуждающей-сексуальной.

Не трахаться со мной на «Распутной Джен».

Выйти замуж за Демидова-младшего.

Не повезло тебе, детка. Ты сильно накосячила. Облажалась по всем статьям.

Теперь мое кресло тебе светит в единственном случае, если в нем буду сидеть я. Поверь, ничто мне не помешает, как следует насадить тебя.

После завершения напряженного рабочего дня, мы встречаемся с Гиббсом в баре на цокольном этаже башни Меркурий. Я намерено выбрал для приватного разговора место, откуда я смогу попасть в свои апартаменты максимально быстро. Инициатором встречи вне стен офиса был Клайд, и я не отказал только по одной причине – он никогда не дергает меня по пустякам.

Мы заказываем бутылку Хеннесси и пиццу. Не самый оригинальный и здоровый набор, но зато и то, и другое приносят сразу. Время в наши дни такой же бесценный невосполнимый ресурс, как и здоровье. На данный момент с последним у меня нет проблем, а вот первого в остром недостатке. К тому же меня ждут незаконченные вопросы с Гордеевой, и, надеюсь, что повод, по которому мы с Клайдом собрались, действительно железобетонный и не терпит отлагательств. Я не привык сдвигать свои планы, особенно те, ради достижений которых пришлось приложить максимум усилий.

– Я не задержу тебя надолго, – заверяет меня Гиббс, как только официант оставляет нас наедине. Проницательность – неоспоримая черта Клайда, которая весьма полезна при выполнении сложных задач. – Я догадываюсь, куда и к кому ты спешишь, поэтому постараюсь быть кратким.

– Мне начитать волноваться? – интересуюсь я. – Очень настораживающее вступление. Гиббс не реагирует на мой иронично-легкомысленный тон, сохраняя сосредоточенное выражение лица.

– Я пока не уверен, насколько всё серьезно, но задуматься есть, о чем, – вместо конкретики Клайд наводит еще больше тумана. – Мне сегодня звонила Дженнифер Уэбстер. Помнишь такую?

Саркастичная усмешка моментально покидает мое лицо. Прищурившись, я несколько секунд смотрю на Гиббса тяжелым взглядом.

– Вижу ты не удивлен, Эйд. А вот я не ожидал, что мне снова выпадет честь пообщаться с бывшим боссом, – оценив мою реакцию, делает выводы Клайд. – Она объяснила свой звонок тем, что ты не берешь трубку и не отвечаешь на

сообщения.

– Один раз я ответил и сказал этой суке все, что думаю о ее предложении. Диалога не вышла, и я решил, что продолжать бессмысленно, – металлическим тоном отвечаю я, стиснув челюсти до характерного скрежета.

– Ее предложение как-то связано с бизнесом?

– Отчасти.

– Почему ты не сказал мне?

– А должен?

– Да, черт побери! – с раздражением бросает Клайд, буравя меня негодующим взглядом. Черт, сто лет не видел его в такой ярости. – Ты должен, Батлер! Хотя бы потому что мы много лет в одной упряжке, и я не раз прикрывал твой зад в сложных ситуациях. И знаешь, Эйд, ты существенно облегчил бы мне задачу, если бы иногда ставил в известность о своих рискованных планах.

– Чего она хочет? – перехожу непосредственно к главному вопросу, оставив предъявление личных претензий на потом.

– Джен предлагает встретиться и провести переговоры, – сухо и с явным неприятием сообщает Клайд.

– Это исключено, – категорично отвечаю я. – Ей нечего мне предложить.

– Дженнифер считает иначе, – заявляет Гиббс таким тоном, словно желания Джен Уэбстер имеют для меня какой-то вес.

– Мне похер, что считает Дженнифер, – с пренебрежением огрызаюсь я.

– Успокойся, Эйд, я тебе не враг. На меня рычать не надо, – Клайд снова переходит на дипломатичной тон, надеясь таким образом утихомирить меня. Напрасно, бл*дь. Не стоило ему затевать этот разговор. – Я знаю, она предложила тебе компрометирующую информацию, которую можно

использовать, как способ давления и знаешь на кого? На Олега Григорьева. Выгодное предложение и главное своевременное. При получении его доли в компании, ты автоматически становишься держателем контрольного пакета. Отсюда вытекает первый вопрос. Как Джен узнала, о твоих планах отжать акции у одного из учредителей?

– Я подозреваю Баррета, но он отрицает, – озвучиваю свою главную версию. – Джен тоже не подтвердила, что он обращался к ней.

– И что ты думаешь? – сдвинув брови на переносице задумчиво спрашивает Клайд. Идиотский вопрос. О чем тут думать? Объяснение внезапной активности Уэбстер может быть только одно.

– Я не верю ни тому ни другому. К тому же Пол был в курсе, что компания Уэбстер в свое время разорвала готовящийся контракт с «Эталон Групп». Он намекал мне на то, что Джен может обладать некой полезной информацией по интересующему нас персонажу. Однако прямых доказательств, что Пол вел с ней переговоры за моей спиной – нет.

– Ладно, пока к черту Баррета, – сделав паузу, Клайд опрокидывает в себя порцию виски. – Перейдем ко второму вопросу. Почему ты ей отказал?

– Она хочет вернуться в бизнес. Я против, – предельно кратко и откровенно отвечаю я.

– Ты погорячился, Эйд, – делает какой-то дурацкий вывод Клайд. Интересно что привело его к абсурдному умозаключению?

– Считаешь? – скептически уточняю я.

– Уверен, – настойчиво заверяет Гиббс. – Погорячился дважды. Первый раз, когда поставил Баррета на решение вопроса с акционерами. А второй раз, когда в грубой форме пресек предложение Джен Уэбстер.

– Поясни! – рокочущим голосом требую я.

– По Баррету все предельно понятно, – не моргнув глазом, невозмутимо отвечает Клайд. – Я уверен, что он решил упростить себе задачу и действовал оптимальными, по его мнению, методами. А вот с миссис Уэбстер все гораздо сложнее, Эйд. Ты ее здоров разозлил, а женщина в ярости способна на многое, – мрачно подытожил Гиббс. Мне ли не знать, на что способна Джен Уэбстер.

– У нее было много лет, чтобы сравнять счет, – напоминаю я.

– Но не было ресурсов, – возражает Гиббс, все больше раздражая меня. – Взгляни на ситуацию со стороны и непредвзято. Ты загнал Джен в долговую яму, ее муж слег с инсультом и провел последние годы жизни в качестве овоща. Его счетами, и имуществом она распоряжаться не имела права, потому как старик планировал жить долго и весело с молодой женой и не успел оформить генеральную доверенность. У нее были связаны руки, Эйд. Но сейчас ситуация коренным образом изменилась. Старик умер, Джен вступила в наследство и в материальном плане вполне способна конкурировать с тобой.

– Для этого ей нужно выйти на строительный рынок, а я перекрыл суке все ходы и лазейки. Пусть вкладывает миллионы во что-то другое. Что бы Дженнифер ни предложила мне, я не изменю своего решения, – категорично заявляю я.

– А Дженнифер больше не предлагает, Эйд.

– Тогда о чем мы говорим сейчас? – с недоумением спрашиваю я, с подозрением глядя на обеспокоенного Клайда.

– Миссис Уэбстер намерена выдвинуть ультимативные требования. Информация по Григорьеву будет предоставлена тебе в качестве бонуса в случае плодотворного сотрудничества.

– Она спятила? – усмехаюсь я, откидываясь на спинку кожаного дивана.

– Нет, Джен воспользовалась твоими методами, Эйд, – серьезным тоном конкретизирует Клайд.

– Не совсем понимаю, – озадачено передергиваю плечами, отказываясь вникать, куда он клонит.

– Первое, что она сделала, когда получила доступ к деньгам старика – занялась сбором компромата на тебя. И нашла.

– Это не может быть! – помрачнев, уверенно отрицаю я. В свое время я сделал все возможное и невозможное, чтобы стереть первые двадцать лет из своей биографии. Очередная тупая провокация Джен с целью испоганить мне настроение.

– Если нанять лучших ищеек и знать в каком направлении искать, то можно найти подноготную на любого. Вопрос только в целесообразности огромной стоимости таких услуг.

– Она блефует, – рявкаю я. Гиббс прав, мать его. Если Джен получила доступ к миллионам мужа и не пожалела часть из них потратить на меня, то вполне вероятно... Черт.

– Нет, не блефует, – подтверждает Клайд мои худшие опасения. – Джен озвучила мне некоторые попавшие в ее распоряжение факты.

– И? – натянуто спрашиваю я, отказываясь верить, что вероломная сука добралась до моих скелетов, которые я давно и, как мне казалось, надежно похоронил.

– Она знает всё, Эйд, – оглушает меня Гиббс.

– Бл*дь... – я не знаю, что еще сказать. Нет слов, кроме мата. Я даже убивать ее не хочу, потому что пачкаться противно.

– Ты что-то говорил Дженнифер, когда вы были вместе? Может, случайно? – как сквозь вату сыплются на меня вопросы Клайда. Я отрицательно качаю головой, невидящим взглядом уставившись в пустой стакан. Я даже не заметил, как выпил все содержимое. – Может упоминал Окленд? Названия города достаточно, чтобы сузить поиски. Громкое дело с твоим участием местные жители помнят до сих пор, – Гиббс продолжает перебирать версии, но все до одной – полная туфта. – Или ты мог назвать какие-то имена старых знакомы...

– Нет! – резко обрываю Клайда. – Я тогда больше всего боялся, что Джен узнает. Ни одного слова. – подняв голову, смотрю на скептически настроенного Клайда прояснившимся взглядом. – Это Баррет, гребаный ублюдок, – внезапно озаряет меня. – Мы один раз столкнулись в аэропорту. Он летел в Бостон, а я в Окленд. Разумеется, когда Пол спросил я назвал другой город, но он мог видеть посадочные талоны.

Обменявшись с Гиббсом задумчивыми взглядами, мы какое-то время напряженно молчим, пытаюсь сопоставить детали в единую картину.

– Я его уволю. Сейчас же! – сквозь зубы рычу я.

– Это не решит проблему.

– Но уберёт предателя с моей территории.

– Не кипятись, Эйд. – сдержанно внимает Клайд к моему логическому мышлению. – Ты должен понимать, что, продавшись один раз, человек способен повторить то же самое, если его устроят условия.

– У меня таких купленных больше половину кадрового состава, – ледяным тоном напоминаю я.

– Теперь ты видишь, что Джен настроена серьёзно. Сначала Баррет, потом остальные. Попробуй договориться с ней.

– Нет! – яростно отрезаю я.

– На твоих условиях, – настаивает Клайд.

– Нет!

– Эйд, я уверен, что ты способен разобраться с Джен Уэбстер без серьезных потерь, – заявляет Гиббс. Слишком самонадеянно даже для него. – Надо узнать, что конкретно она хочет от тебя.

Я ухмыляюсь, качнув головой, и закуриваю сигарету, двинув к себе пепельницу. Клайд заливает нам по порции виски.

– Я хочу закрыть эту тему, Гиббс. Мне нужно время, чтобы все обдумать, – говорю я не терпящим возражений тоном. Тянусь за стаканом и выпиваю до дна.

– Я тебя понял, Эйд, – нехотя, но принимает мое решение Гиббс. И тут же затрагивает не менее запретную тему. – Есть еще одна женщина, которая не дает тебе покоя.

– Ее я тоже обсуждать не намерен, – предупреждаю я резким тоном. – Ни с тобой, ни с кем-либо еще.

– Эйд, я подозреваю, что изначальная информация, которую мы поучили по ней, была некорректна и ошибочна.

– Клайд, что из вышесказанного ты не понял?

– Послушай, я навел дополнительные справки, – настойчиво продолжает Гиббс, игнорируя мои попытки заткнуть его. – И если убрать оттуда офисные сплетни завистниц, то выходит, что Гордеева действительно рабочая лошадка, которая пашет на благо компании много лет, без продыху и выходных.

– Знаю, – киваю я, стряхивая пепел. По вытянутому выражению лицу догадываюсь, что он ждал совсем другого ответа.

– Тогда зачем? – с недоумением спрашивает Клайд, сверля меня вопросительным взглядом. Мне нечего ответить, и я молчу. Молчу, потому что врать лучшему другу не способен, а сказать правду еще не готов. Ни себе, ни ему.

– Адриан, у Гордеевой есть сестра, – продолжает неугомонный Гиббс. Я поднимаю на него равнодушный взгляд и, передёрнув плечами, прикуриваю новую сигарету.

– У тебя тоже есть сестра. И что дальше?

– Она в разводе, двое детей, – словно не услышав мою язвительную реплику, продолжает Клайд. – Старший нуждается в дорогостоящем лечении. Мальчик сейчас в Германии, и Эмилия полностью оплачивает расходы. Она всех их содержит. Девчонка, которая с утра до ночи работает, чтобы обеспечить нормальную жизнь себе и близким. Она твои деньги даже не для себя взяла, – выдохнувшись, Гиббс замолкает и с откровенным осуждением смотрит на меня, словно не он бл*дь подсунул мне личное дело Гордеевой, не удосужившись копнуть глубже. Хуже ответственности за совершенные ошибки, могут быть только запоздалые сожаления. Время упущено. Что сделано, то сделано. Назад не вернешь. И как бы цинично это ни звучало сейчас, но я бы не хотел, чтобы обстоятельства сложились иначе. Жестоко, эгоистично, безнравственно – плевать я хотел на все обвинения.

– Я не собираюсь оправдываться, Клайд, врать что сожалею или обещать, что оставлю Гордееву в покое. Этого не случится, – твердо выговариваю я каждое слово, удерживая непробиваемую маску на лице. С напрягом, но мне это удаётся. Если быть до конца откровенным, то я не знаю, как реагировать на новые факты о непростой семейной ситуации Гордеевой и не уверен, что должен загоняться по этому поводу. Каждый сам делает выбор, какими жизненными ценностями и принципами руководствоваться, как и для кого жить, приносить в жертву себя или других. Что это меняет по большому счету? Да, ничего.

– А бизнес Алексея Демидова ты можешь оставить в покое? Он больше тебе не соперник. Я могу отозвать готовящиеся дела на него?

– Я вижу, ты заделался в заступники всех обиженных и оскорблённых? – саркастично спрашиваю у Клайда. – Мой ответ – нет. Этот клоун мешается под ногами. Пусть займется проблемами в своих низкосортных забегах, а я займусь его экс-невестой.

– Эй, Эмилия не Джен Уэбстер, – неожиданно жестким тоном произносит Гиббс. – С ней по-другому надо.

– По-другому, она не хочет. Я предлагал.

– Но на таких условиях ты точно ничего не добьешься. Хочешь еще одну ненавидящую тебя мстительницу?

– Я любую ее хочу, Гиббс. И в этом вся сложность. Мы не совпали в желаниях. Отыгрывать назад слишком поздно.

– Тебе нужно изменить методы, Эйд. Это сложно, потому что иначе ты не умеешь. Но попробуй довериться девушке. Позволь ей научить тебя. А такая, как Эмилия Гордеева точно сможет, она поймет, если ты прекратишь вести себя, как полный кретин. Ты счастливый лотерейный билет вытянул, Батлер. Тебе повезло. Не будь идиотом и остановись, пока не поздно. Не надо ломать ее. Она не заслужила.

– Ты мне намеренно на совесть давишь? – ледяным тоном уточняю я. – Напрасно, Клайд. Я продал ее много лет назад. И с тех пор руководствуюсь только собственными желаниями.

– В бизнесе это уместно, но не в личной жизни, – упрямо возражает Гиббс.

– А у меня нет личной жизни, Клайд, – я натянуто улыбаюсь. – Исключительно контрактные отношения.

– Тогда хотя бы предыдущий разорви, – Гиббс смотрит на меня, не скрывая разочарования.

– Не вижу в этом смысла, Клайд. Я достаточно платежеспособен, чтобы оплачивать оба.

Глава 4

Адриан

Эмилия встречает меня в большой овальной ванной, установленной прямо в спальне. Никаких упреков и обвинений. Никакой пены, прикрывающей самое интересное. Прозрачная вода и обнаженная Гордеева с пленительной лукавой улыбкой и бокалом шампанского в руках. Чем не идеальное завершение выматывающего безумного дня?

Бросив пиджак и галстук в кресло, я уверенно направляюсь к ней, не обращая внимания на фантастический вид ночной Москвы, отрывающийся за панорамными окнами. Расстегиваю на ходу рубашку, не замечая элегантно сервированного столика с догорающими свечами и остывшим ужином.

Сажусь на край ванны и, не разрывая зрительного столкновения взглядов, забираю ее бокал и одним глотком допиваю остатки. Ставлю пустой на пол.

– Мы празднуем конец твоей помолвки? – нарочито небрежным тоном интересуюсь я.

– Ты может и празднуешь, а я целую ванну слез наплакала, – она пытается иронизировать. – Твое условие выполнено, Эйд. Ты доволен?

– Ты умница, Эми, – удовлетворённо улыбаюсь я, пройдясь кончиками пальцев по обнаженному плечу, которое сразу покрывается мурашками. Жадный взгляд скользит ниже, охватывая каждый миллиметр стройного тела. Долгое ожидание стоило того, что я вижу сейчас. Мне действительно выпал счастливый билет, и я собираюсь забрать свой выигрыш без промедлений.

– Нравится? – немного нахально спрашивает Эмилия, сексуально выгибаясь, и, бесстыдно расставляя колени. Определенно, нравится. Всё, кроме подпитанной алкоголем наигранной бравады.

– Много ты выпила, детка? – полностью избавляясь от рубашки, я киваю на откупоренную бутылку в ведерке со льдом.

– Пару бокалов. Ты прикончил третий, – ее улыбка слишком чувственная и игривая, чтобы я поверил, что она настоящая.

– Для храбрости или чтобы ничего чувствовать? – обхватив ее подбородок пальцами, я пристально смотрю в темные блестящие глаза.

– А ты бы как хотел?

– А я хочу тебя на столе. Сейчас. Вылезай, детка.

Эмилия

Меня накрывает теплой волной и не только от шампанского.

Голос разума становится тихим и незначительным, когда мой взгляд медленно плывет по крепким мышцам Батлера, всем своим видом отождествляющего сейчас твердость и решительность. Сильное тело Адриана, которому мог бы позавидовать даже греческий Бог, это не просто результат регулярных походов в зал, одинаковых и монотонных занятий, которые часто заменяют «типичным качкам» все остальные интересы и становятся единственной целью в жизни. В случае Адриана Батлера, его тело – отражение мощи, внутренней дисциплины и целеустремленности, что соответствует сути этого мужчины.

К чему это я? Поймите меня правильно, пытаюсь искать только чертovy плюсы в своем полугодовом рабстве. Если не думать о том, при каких обстоятельствах я вступаю в интимную жизнь с Батлером и долго смотреть на его рельефные мышцы, то можно поймать себя на мысли, что наш контракт не такое уж и плохое дело.

Не считая аморальную сторону договора, я приятно удивлена тому, какой чувственной, жаждущей и иступленной я могу быть. Каким отзывчивым на мужские прикосновения и взгляды может быть мое тело. Плавным и гибким, изнывающим от желания с привкусом ненависти, ярости и горечи...впервые, за десять лет жизни в режиме «ломовая лошадь», я увидела в зеркале не это трудолюбивое животное, а желанную женщину.

Это интересное и новое для меня ощущение. Я боюсь его. Но оно мне чертовски нравится, а я боюсь привязываться к тому, что может вызвать зависимость. Смертельную, разрушающую, уничтожающую, как и любой наркотик...по капле. После каждой принятой дозы.

Пусть наше влечение обусловлено постоянными эмоциональными перепадами напряжения между нами, но в чем-то Адриан Батлер оказался прав: мы идеально подходим друг другу по темпераменту. Я это чувствую так ярко и остро, каждой вибрирующей в предвкушении клеточкой, что дыхание схватывает, а сердце время от времени на мгновение замирает.

– Как насчет того, чтобы сначала принять ванну? – мягко мурлыкаю я, соблазнительно закусывая нижнюю губу. Раскрытыми ладонями тянусь к его торсу, чтобы выпустить коготки и провести ногтями по свинцовым мышцам Адриана. Они сокращаются под воздействием моей ласки, а в потемневших глазах Эйда вспыхивают искры жажды обладать мной и немедленно воплотить в реальность свое намерение немедленно поиметь меня на столе.

– Отличная попытка, кошечка, – выдыхает Адриан, когда я обхватываю влажными руками его плечи и шею и встаю на цыпочки, чтобы коснуться губами выемки над ключицами. Вдыхаю аромат его кожи и млею от запаха, который не заглушают легкие древесные и табачные ноты дорогого парфюма.

– Но если я сказал, что хочу тебя на столе, то по условиям контракта ты право голоса не имеешь, – напоминает Батлер, и его ладони резко ложатся на мои ягодицы. Обхватывая бедра, он тянет меня вверх и на себя, заставляя инстинктивно обвить его торс ногами. Адриан плотнее прижимает меня к себе, жадно сминая в широких ладонях мою попку. Из груди поднимается жадный стон на вдохе, когда я начинаю ощущать его кожа к коже. Мои соски мгновенно затвердевают, соприкасаясь с грудью мужчины.

Черт, он настолько сильный, что никакого труда не составляет Адриану удерживать меня одной рукой, а другой расправляться с молнией на своих брюках. Не удивлюсь, если до стола он меня не дотащит, а трахнет без всякой опоры.

– Подожди, Адриан..., – тихо вдруг прошу я, когда он, кажется, действительно собирается начать в такой позе и просто насадить меня на каменную плоть. Обхватываю ладонями скулы Батлера, заставляя наши глаза установить долгий зрительный контакт.

Медленный, неторопливый, бесконечный...обмен взглядами, немymi фразами, чувствами.

Не знаю зачем это делаю. По плану: пытаюсь придать нашим отношениям смысла, стать ему ближе, используя женскую хитрость. А на деле, сама пропадаю в этих осколках льда, наполненных сейчас огнем и желанием, восхищением. И это все мне, для меня.

Он что-то чувствует? Начинает испытывать? Я – да, и мне очень страшно, что это действительно может стать чем-то большим, чем тупой трах по контракту, и мои наполеоновские планы по свержению Батлера с престола «Эталон групп» падут прахом.

– Почему ты так смотришь на меня, Эмили? – вкрадчивым низким шепотом интересуется Батлер, ежесекундно переводя требовательный взор с моих губ на глаза и обратно.

– Наслаждаюсь моментом, – опускаю ресницы и возвращаю ему долгий взгляд. Ощущаю, как по телу непрерывными потоками танцуют мурашки.

Пить нужно меньше, Эми. Больше игры, меньше искренности. Два принципа, которые мне стоит запомнить. И все же, то, что сейчас между нашими лицами искрит энергетический огонь, очень трудно игнорировать.

– Отличная попытка, коварная соблазнительница. Я почти поверил тебе, Клеопатра..., – Адриан наклоняется, едва касаясь моих губ. – Или Шахерезада? Эмилия Гордеева, у тебя талант лишать меня мыслей о работе...как, впрочем, и всех остальных, детка. Кроме одной, – недвусмысленно рычит Батлер, раздвигая ладонями мои ягодицы, мгновенно вводит в мое влажное лоно сразу два пальца. Неровно выдыхаю, негромко вскрикивая. Восхитительное ощущение наполненности вызывает к тому, чтобы просить о большем.

– О Боже, Эйд, – уже вполне искренне шепчу я, чувствуя, как прикрываются веки и дрожат ресницы от потоков тепла, густым медом растекающегося по венам. – Я хотела этого весь день, с той самой секунды, как рассталась с тобой, – и это правда. У меня болело все тело, нуждаясь в разрядке.

Элементарная физиология, базовые потребности возбужденного организма. Ничего серьезного.

– Хотела чего, малышка? – вместо ответа я прижимаюсь к его груди сильнее, потираясь сосками о торс Батлера. Припадаю к его полным губам и сладко целую. Медленно так, подраживая и смакуя каждое мгновение неги, расцветающей в теле ярко-красным бутоном. Я могу сравнить распустившуюся в себе чувственность лишь с прекрасной розой на длинном стебле, которая долгое время увядала и опадала, пока в один момент не продала свою душу дьяволу,

который пообещал вернуть её к жизни. Она распустилась во мне, ожила, а её лепестки налились багряным цветом. Опасность лишь в том, что душа её теперь принадлежит хозяину и одного его желания будет достаточно, для того, чтобы забрать у неё свою силу и превратить в иссохший, выпитый до дна цветок.

– Скажи мне...ванна и шампанское удивительно влияют на тебя, развязывая дерзкий язычок, – в следующую секунду я слышу звук разбитой вдребезги посуды. Я не вижу, как Батлер смахивает фрукты, ягоды и салат со стола, чтобы освободить пространство на столике возле ванной.

Довольно резко ставит меня на пол и уже в следующее мгновение разворачивает, чтобы нагнуть над столом, приколачивая к нему своими бедрами. Прогибаюсь в пояснице, ощущая его железную хватку на своей талии.

– Адриан, это был наш ужин, – пытаюсь уговорить его я, но мой голос срывается, как только чувствую легкий шлепок по заднице и то, как твердый член Батлера скользит между ягодиц. Я невольно сжимаюсь, ощущая, как он надолго задерживается чуть выше, чем я хочу его почувствовать. Это горячо, слишком. Запретно и грязно. Но даже по контракту я не дам ему то, чего он сейчас хочет.

– У меня на ужин одна упрямая гордячка и я намерен пользоваться тем, что она стала такой сговорчивой. Такой покорной, – все тело пробирает дрожь в тот момент, когда его плоть весьма однозначно упирается в тугое колечко зажатых мышц. Сукин сын, Батлер. Так об этом наказании ты всегда говоришь?

– Не настолько, чтобы ты метил не в свою территорию, – парирую я, намекая Батлеру на то, что есть вещи, которые ему не позволены. Свободной рукой тянусь к его члену и направляю своего охреневшего босса в готовое лоно.

– Ты забыла, детка? Ты вся – полностью моя территория, – Батлер наклоняется к моему уху и наматывая волосы на свой кулак, медленно вставляет в меня пульсирующий член, позволяя ощутить каждую напряженную вену и оценить силу его желания. Я чувствую, что он действует так специально, сантиметр за сантиметром, сливаясь со мной, отравляя меня, вымещая все мысли и противоречия, желание вырваться и закричать о том, что я принадлежу ему лишь на весьма сомнительной бумажке, что держится на его контролируемом и деспотичном шантаже.

– Черт, я сейчас с ума сойду..., – привыкаю к размеру, лишь в тот момент, когда он входит до основания. Немного больно, но сладко.

– Я не дам тебе сойти с ума, – поглаживает спину Адриан, не упуская возможности пройтись влажными поцелуями по лопаткам. – Без меня. Только со мной, детка, запомни, – и это последняя секунда, на которую хватает нежности и ласки Батлера. Он будто срывается, начиная толкаться в меня на вдохе и выдохе, терзая ягодичи и поясницу, пока я кричу и умоляю его остановиться, срываясь на неосознанные стоны.

– Ещё, ещё. Мне нужно больше, Адриан..., – грудь болезненно трется о стол, сокрушаясь от его толчков и вторжений. Яркое и ослепляющее удовольствие каскадными волнами взрывается в теле, заставляя меня кричать от наслаждения близостью с этим озверевшим и дорвавшимся до меня мужчиной.

– Чертовски тесная, детка. Ещё, говоришь? Я так и думал, что ты будешь умолять меня о пролонгации.

– Не дождешься, Батлер. Не дождешься...ай, – хнычу, когда Эйд покидает меня, чтобы усадить на стол и закинуть мои ноги к себе на плечи. Черт, так он ощущается слишком глубоко и приятно, и я кричу, не сдерживая себя, когда Адриан вставляет в меня снова. Царапаю его торс, оставляя на бронзовой коже красноватые полосы, не в силах сдерживать бьющие через край эмоции.

– Будешь. Это я тебе гарантирую, детка, – шипит Адриан. Наклоняясь, сталкивает нас лбами, удерживая мой затылок ладонью. Поза не самая удобная, но хорошая растяжка позволяет мне стойко выносить сладкую пытку и даже посмотреть вниз, на горячую картинку, где наши тела сливаются воедино, а его палец в едином ритме с членом ласкает объятый наслаждением клитор. Лукаво улыбнувшись Адриану, я отправляю в свой рот клубнику, которую нащупываю на столике и заменяю его пальцы своими, помогая себе достичь пика под прицелом его взора.

– Давай, детка. Сейчас, – Адриан хватается меня за запястья и припечатывает их к столу над моей головой, проникая в меня ещё глубже и быстрее. Слизирует мякоть красной ягоды с моих губ, одержимо покусывая их, проникает вглубь моего рта языком, вторя движениям между моих бедер. Тяжело дыша и равно отдавая всего себя с первородной мужской агрессией и яростью, которая мне

сейчас так необходима, чтобы раствориться в простреливающем все тело оргазме. Наши влажные тела переплетаются в совместном безумии, и я неистово кричу на высоких нотах, ощущая, как член Адриана пульсирует и изливается во мне, его яйца беспощадно бьют по бедрам. Звуки наших сливающихся тел, горловые стоны окончательно толкают меня за грань, где наслаждение становится волновым, долгим, непрерывным, безумным и беспамятным...кажется, я прихожу в себя уже в тот момент, когда Адриан замирает надо мной, удерживая вес своего тела на локтях. Смотрит на меня по-прежнему жадным, но уже более-менее сытым взглядом. Ловит своими губами мои, продолжая совершать в меня последние, инстинктивные толчки...я умираю, черт возьми. Мне плохо от того, что только что было так до безумия хорошо в руках человека, который просто...купил меня.

Бл*дь, он купил меня...

Душевная боль парализует все наслаждение, что я только что испытала и меня начинает одолевает легкий приступ удушья.

– Ты чертовски хороша, моя детка, – глухо смеется Адриан, утыкаясь носом в мою шею. – Ты просто ведьма. Кажется, сейчас я готов сам исполнить любое твоё желание. Я почти верю, что это не только игра и алкоголь. Ты отлично постаралась, – последнее фразе ещё больше добивает меня, потому что звучит она именно так, как и в любом бизнесе или служебных отношениях.

Подчиненная выполнила свою работу.

Босс оценил проект.

«Ты отлично постаралась».

Между нами – строго бизнес.

?

– Ну что насчет моей работы? – в лоб интересуюсь я, как только мы оказываемся вдвоем в ванной с новыми бокалами шампанского. – Когда я вернусь к своему проекту, Адриан?

– Весь этот спектакль «обнаженная в ванной» был ради этого момента? – приподнимая бровь, отвечает Адриан, внимательно наблюдая за тем, как я, слегка откинув назад голову, делаю жадный глоток шампанского.

– Нет. Просто, не могу жить с мыслью о том, что ты отдал проект в руки Самойловой. Я вложила в него все свои нервные клетки, душу, время. Это все равно, что мое дитя. Алина по кусочкам его ломает, она меня терпеть не может со студенческих времен. Никогда не упускает шанса подсыпать мне соли и с удовольствием гадит в открытые раны. Распускает сплетни. Надеюсь, ты не слышал самые коронные из них. Адриан...

– Насчет твоего возвращения я подумаю, детка. Подумаю. Я ещё не до конца удовлетворён на сегодня, – небрежно бросает Батлер, сверкнув в полутьме голубыми глазами. Внутри меня вспыхивает пламя негодования. Так и будем ходить вокруг да около? Что мне, пальцы его вылизывать до тех пор, пока мне мою «мечту» не вернет? Что за издевательство? Ведь уже веду себя, как ему нужно. Голая встречаю, трахаюсь с энтузиазмом, правда, после двух бокалов шампанского. Что ещё ему черт подери нужно? Чтоб я умоляла, растеклась перед ним, стала ковриком для ног? Пошел к черту, Батлер. Возвращай меня в проект!

– Ты хорошо постаралась, но этого недостаточно, чтобы ты усвоила все уроки и поняла, насколько опасно бывает дразнить барменов на круизных лайнерах, – продолжает стебаться надо мной Адриан.

Жаль, нельзя произнести свою гневную речь вслух. Но судя по нашим взглядам, столкнувшись в неравной схватке, он прекрасно читает сейчас мои мысли.

– Между прочим, я лично готовила салат, – кидаю выразительный взгляд в сторону разбитой тарелки на полу в обрамлении авокадо, овощей и креветок.

– Серьезно? Шутишь? – судя по тону голоса, Батлер искренне поражен.

– Да. Я даже загуглила, как сделать красивую сервировку стола, – тяжело выдыхаю я, вспоминая, как корпела над французским соусом для салата. – Я, правда, стараюсь, Адриан. Стараюсь, чтобы эти полгода не стали для меня адом. Пытаюсь быть хорошей девочкой, вроде выполняю все, что тебе нужно. Но чего

ты ожидал и до сих пор ждешь от меня? Я этого не понимаю. Искренности? Я над ней не властна. Я по-прежнему трахаюсь с тобой только потому, что ты шантажировал меня и подмял под себя всю мою жизнь! – и вновь неконтролируемый гнев спешит вырваться из груди. Я не их тех, кто проглатывает обиду. И молчать, когда душа кричит, простите мистер Батлер, я не умею.

– Кажется, тебе все понравилось, – хлестким тоном останавливает меня Адриан, и, подавшись вперед, обхватывает меня двумя руками за шею, испепеляя насупленным взглядом. Сканирующим, жестким и властным. – Тебе нравится трахаться со мной, Эмили. Даже притворяться не приходится, не так ли? – рычит разъяренный Батлер.

– Да, ты привлекаешь меня, как мужчина, – хмыкнув и вскинув подбородок, честно признаюсь я. Посылаю Адриану не менее горячий взгляд. – Ты доволен? Это хотел услышать? Ты чертовски сексуален и притягателен, мистер Батлер. Ты – то самое яблоко грехопадения, вкусив однажды которое я пошла кривой дорожкой..., – с горьким смешком добавляю я, вновь делая глоток шампанского.

– Почти доволен, продолжай хвалить меня детка.

– Но это не значит, что я не мечтаю о дне, когда все закончится. Для меня – это бизнес, Адриан. Сделка. Унизительная и грязная. И я выбрала прожить эти полгода в союзе с тобой, в партнерстве. Да только каждый раз меня тошнит от самой себя, когда думаю о том, что привело к этому моменту. О том, что ты пользуешься мной, словно куклой для траха. Мои ценности в отношениях лежат совершенно не в горизонтальной плоскости, Адриан! Понимаешь, мне другого бы хотелось...

– Горы цветов? Сто свиданий? Ухаживаний? Ты забавная, Эми. И живешь иллюзиями. Все эти атрибуты соблазнения и прочая мишура – точно такая же условная валюта, за которую мужчины покупают женщин. Только тратят нечто куда более бесценное при этом – своё время. Любую женщину можно купить, Эмилиа. Некоторые предпочитают делать это вниманием и пустыми обещаниями. Мои методы ты знаешь – взаимовыгодный контракт, не обязывающий к сближению и пустой трате нервов с обеих сторон. Ресурсов затрачено меньше, а итог один.

– А почему бы и нет? Я хочу свиданий, да. Девушки любят, когда им дарят цветы. И я обожаю необычные свидания, а не банальные походы в ресторан. Я не согласна с тобой, что все это является аналогом денег. Свидания – это время для двоих, время, когда можно узнать друг друга до вступления в сексуальные отношения, страсть в которых продлится максимум...сколько там? Три года допустим. И ничего после не останется, Адриан. Если людей будет связывать только секс. Поэтому, я выбрала Лешу для..., – я осекаюсь, поймав на себе такой демонический взгляд Батлера, что душа в пятки уходит.

– Если ты ещё раз произнесешь его имя, я испепелю твою чертову «мечту». Фундамента не останется, – цедит он сквозь зубы с таким гневом, что я не сомневаюсь в правдивости его угрозы.

– Адриан, я...

– Вернемся к свиданиям, – переводит тему Батлер. – Что значит «необычные свидания»?

– Ну..., например, которые выходят за рамки ресторана, как минимум. Покататься на самокатах в парке. Сходить в театр или на выставку...прокатиться по реке или засесть в уличном кинотеатре. Первое, что пришло в голову. Из этого списка, я только в театр ходила. В Москве куча удивительных мест, а у меня даже нет времени их все посетить. Не было. Когда у меня была работа.

– Хорошо, – пальцем поддевает мой подборок Адриан. – Будет тебе свидание, крошка. Ты заслужила.

– Что..., – мы оба слышим характерный для сообщения звук и в следующее мгновение наручные часы Батлера загораются мягким светом. Он подносит запястье ближе, чтобы прочитать с них сообщение. Его брови медленно сдвигаются к переносице, настроение мужчины портится по мере прочтения сообщения.

– Завтра в двенадцать будь готова, как раз выходной. А сейчас, мне нужно идти, – он встает и выходит из ванной так быстро, что я даже остановить его не успеваю. Обвивает свои бедра полотенцем, что я приготовила заранее для нас на кровати. Стараюсь не смотреть на его великолепное тело, по рельефам которого стекают влажные капли.

– Так что насчет моей работы? – интересуюсь я, когда Адриан уже спешит к выходу так быстро, словно хочет поскорее избавиться от моего общества.

– Я ещё подумаю. И посмотрю на твое поведение, детка, – черствым тоном заключает Адриан.

– Давай, я готовлю программу на день для тебя, а ты для меня на вечер? – предлагаю я, когда Адриан оборачивается на мгновение, чтобы вновь окинуть меня с головы до ног своим взглядом, настроение которого я сейчас не могу прочитать.

– По рукам, – соглашается Эйд и закрывает дверь в мою спальню с другой стороны.

Черт возьми, он меня доведет до ручки когда-нибудь. Ведь чем больше я получаю вестей от Риты, тем сильнее наблюдаю за тем, как Самойлова разрушает мой проект. И она уже допустила в работе столько ошибок, что мне неделю разгребать все придется. Ну, ничего, прорвемся.

Глава 5

Эмили

Для свидания с мистером Батлером я выбрала летящее красное платье в крошечный горошек. Проснувшись я с первыми лучами солнца и долго сидела на широком подоконнике и пила кофе, наслаждаясь видом просыпающегося города, объятого сонной, розовой дымкой рассветных облаков.

Обожаю наблюдать за рождением нового дня и никуда не спешить. Забыла, когда в последний раз это делала, не имея возможности остановиться, насладиться моментом, поймать дзен и «магию утра». В последнее время все, что я делала – это бежала. Вперед, напролом, по головам подчиненных, которые раздражали меня каждый раз, когда выбивались из плана из-за собственной лени и незаинтересованности в результате.

Удивительно, но вот и ещё один плюс в нашем с Адрианом контракте – у меня появилось немного времени на отдых. Хотя не уверена, что нуждаюсь в нем сейчас, потому что работа над «Мечтой» наполняла и вдохновляла меня. До реализации «Мечты» все было несколько иначе – я работала на свое имя, статус и положение в компании, чтобы однажды заняться тем, что мне действительно нравится. Теперь вы понимаете, почему мне так обидно, что «Мечта» так быстро ускользнула из моих рук напрямик в лапы Алины Самойловой?

Мне не терпится вернуться к проекту, а значит, сегодня на свидании с Адрианом я буду само Очарование.

Хотя его вчерашний внезапный уход, вновь нехило ударил по самооценке. До сих пор не могу смириться с участью «девочки для траха».

– Нравится? – выхожу из башни и направляюсь к черному кабриолету, у двери которого стоит мой личный, прекрасный подонок – американский босс. Кружусь на месте, затем делаю ещё пару шагов к Батлеру, демонстрируя ему летящий подол своего короткого платья и стройные ноги.

– Каблуков не хватает, – раздраженно комментирует Батлер, бросая разгневанный взгляд на двух мужчин в строгих костюмах, что проходят мимо и неотрывно смотрят на меня, сворачивая шеи. Приятно, как ни крути. Только не могу понять, почему Батлер недоволен или это можно считать ревностью?

– Мистер Батлер, вы – невыносимый собственник, – игривым тоном подкалываю я, обнимая Адриана за шею. Его ладони мгновенно ложатся на мои ягодицы и через секунду он уже плотно прижимает меня к двери автомобиля, и дарит такой жесткий и горячий поцелуй, после которого на меня точно ни один из тех мужчин не посмотрит снова. Побоятся этого разъяренного «папочку».

– Возможно. А ты – сплошная провокация. Особенно, в красном, – открывает мне дверь авто и обходит кабриолет, садясь за руль.

– Сочту за комплимент, – хмыкаю я, когда мы начинаем движение и выезжаем с территории Москва-Сити. – А каблуки не надела, потому что день впереди насыщенный. Сегодня я покажу тебе столицу России. И начнем мы с самого главного...

– Я уже был на Красной Площади, – усмехается Адриан, бросая выразительный взгляд на мои обнаженные колени. Взгляд, от которого меня мгновенно бросает в жар.

– А мы пойдем глубже. Я покажу тебе сокровища нашей нации, – флиртую с Батлером, положив ладонь ему на бедро, когда мы останавливаемся на одном из светофоров. Черт подери, никогда не замечала, что мужчина за рулем – это так сексуально. Напряженная рука на руле, вздувшиеся вены и устремленный вперед взгляд – все это действует на меня сильнее, чем самый мощный афродизиак, несмотря на то, что сегодня Адриан одет в кэжуал стиле. Даже без рубашки и костюма, он выглядит «с иголки»: джинсы, идеально подходящие его спортивной фигуре и черная футболка-поло, открывающая моему взору сильные бицепсы.

Естественно, его внешность ничего не меняет в моем отношении к нему. Я до сих пор лишь играю роль, которую он заставил меня играть насильно. Он получит иллюзию личной рабыни, о которой так грезил и огребет за это сполна.

– Звучит интригующе, – взор Адриана темнеет и в ответ он накрывает горячей ладонью мое бедро. Полностью переводит на меня взгляд, каждый раз, когда мы останавливаемся на перекрестках. Со стороны мы можем показаться горячей парой в стадии «конфетно-букетного», но я прекрасно понимаю, что вся эта нежность Батлера никогда не длится больше, чем прелюдия перед жестким сексом.

– Ну что, я надеюсь ты не против, что из денег на карманные расходы, что ты мне перевел, я заказала нам быстрый вход в «Оружейную палату». В московском музее-сокровищнице всегда жуткие очереди, но я ответственно подошла к плану нашего свидания.

– Я ненавижу очереди. Как и музеи, – Батлер возводит взгляд к небу, как только мы оказываемся в первом зале Палаты. Острое чувство того, что мы воспользовались машиной времени и перенеслись на сотни лет назад пробирает меня до мурашек, и я намерена доказать Адриану, что культурная программа может быть весьма интересной и насыщенной, особенно когда твой экскурсовод – девушка в красном платье.

– Мистер Батлер, вы находитесь в стране, где стремительно развиваете свое детище. Будьте добры, проявите уважение к её истории, – серьезным голосом начинаю я и тут же непосредственным жестом, заманиваю недовольного Адриана к первым экспонатам.

В школе я всегда любила уроки истории и многое читала и изучала самостоятельно, поэтому мне не составило никакого труда рассказать Адриану все, что знаю о многочисленных кольчатых доспехах, шлемах, топорах, представленных в первом зале. Через пару минут своего рассказа, который больше напоминал собрание общих фраз, погружающих Батлера во времена русских витязей и богатырей, я замечаю интерес в его взгляде. По крайней мере, мужчина начинает смотреть не только на мои ноги, а задерживает увлеченный взгляд на знаменитом экспонате музея – шлеме князя Ярослава Всеволодовича.

Чем дольше длилась наша экскурсия, тем более веселой и непринужденной она становилась. Я искренне радуюсь, когда впервые вижу пышные коронационные платья русских императриц, а Адриан впечатлился Алмазным фондом, где представлены Императорские короны, алмазы, державы и скипетры, сияние которых ослепляет, а роскошь – зашкаливает.

Что ж, это и неудивительно. Адриан видимо почувствовал себя в своей лодке, оказавшись так близко к регалиям, которые венчали головы великих Российский Императриц и Императоров. Чувствовать себя Царем двадцать четыре на семь – это про Батлера.

– Даже не представляю, как хрупкие девушки выносили тяжесть всех этих алмазов на своих головах и шеях, – выдыхаю я, слегка щурясь от блеска бриллиантов диадемы Елизаветы Алексеевны, что поражает воображение своей красотой и утонченностью.

– Тебе бы пошла диадема, детка, – улыбается Адриан, обнимая меня за плечи и целуя в уголок губ. – Корона тяжелая, но не для королевы.

– Меня бы впечатлила эта фраза, если бы я не знала, что эта цитата из песни моего любимого The Weeknd, – подтруниваю я, мурлыкая себе под нос мотив песни Power is power.

– Любимого? – напрягается Адриан, смерив меня уничтожающим взглядом.

– Я мечтаю побывать на его концерте, вот и все, Адриан, – невинно хлопаю ресничками и тяну Эйду в другой зал, где мы проводим ещё несколько ярких минут, бурно обсуждая самые интересные экспонаты сокровищницы.

В целом мы проводим в музее часа два и, купив мороженое на шумной Никольской, отправляемся в ближайший парк, где я с разбегу ложусь на траву, расправляя руки в стороны, словно птица. Все равно, что подумает Адриан и другие. Хочу и буду вести себя, как непосредственная дурочка, у которой чертовски давно не было свиданий, и она устала быть леди. Адриан, к счастью, поддерживает мое настроение и ложится рядом.

– Как тебе первые впечатления о городе? И это только начало. У нас сегодня по плану ещё парк аттракционов и круиз по Москва-реке.

– Очень красиво. Красный, определенно, мой любимый цвет с этого дня, – заверяет меня Адриан и слегка обхватывает мою шею, чтобы мгновенно урвать жаркий поцелуй со вкусом клубничного мороженого. Вот безумец. Как подростки целуемся, лежа на траве в парке, хотя выпуклость на его джинсах едва ли можно назвать «детской». Надеюсь, у Батлера хватит ума не попросить меня приступить к исполнению своих обязанностей прямо в парке.

– Ты хорошо подготовилась, крошка. За эти полгода ты обязательно полетишь со мной в Нью-Йорк, и я попробую быть таким же классным экскурсоводом, как ты, – шутит Адриан, рождая в моей душе неприятные воспоминания о Нью-Йорке, моей практике и коллеге Батлера, который весьма недвусмысленно домогался до меня...а ведь я была ещё совсем юной девушкой и фактически не могла за себя постоять.

– Не люблю этот город, прости, Адриан. У меня связаны с ним не самые хорошие воспоминания...

– И какие же?

– Неважно, – отнекиваюсь я, прекрасно понимая, что не готова рассказывать Адриану о том, что ко мне приставал знакомый ему мужчина. Батлеру это, мягко говоря, не понравится. – И я никуда с тобой не полечу, Адриан. Я планирую вернуться к проекту..., если ты ещё про него не забыл.

– Тебе так важен этот проект сейчас? – низким шепотом интересуется Адриан, заправляя выбившуюся прядь моих волос за ухо.

– Разумеется, мистер Батлер. Я ни на секунду не забываю, почему нахожусь рядом с тобой. И почему позволяю тебе бесстыдно целовать меня на глазах у прохожих. Россия, знаешь ли, не Америка. Здесь, такое проявление чувств многие сочтут неприличным. Трое из пяти считают меня твоей игрушкой, а тебя – моим спонсором. Впрочем, сейчас это так и есть, и мне неприятно об это думать, – напрягаюсь я, когда Батлер снова засасывает мои губы и, раскрывая их языком, проникает внутрь, прижимая к себе за талию. Черт, я чувствую, как моя бешено вздымающаяся грудь касается его груди. Сердца бьются в такт, в едином ритме. Моя ладонь невольно оглаживает его пресс и скользит ниже. Я тут же останавливаюсь и начинаю глупо хихикать, замечая на себе недовольный взгляд полицейского, стоящего поодаль от нас.

– Какая разница, что о нас подумают, детка? Мне нужна неприличная девочка, которая встретила меня вчера обнаженной в ванной. Покорная и послушная.

– Имей совесть, Адриан. Только после того, как вернешь меня к делу, – я вскакиваю, едва вырвавшись из железных оков Батлера.

– Ладно, води меня тогда скорее в свой парк аттракционов. Я стойко выдержу всю твою безумную программу, Эмилия, если вечером ты не будешь сопротивляться моей, – подмигивает мне Адриан, направляясь за мной к выходу из парка.

– Разве у меня есть выбор? – пожимаю плечами я, прекрасно понимая, что нет.

?

У меня давно не было такого эмоционально светлого и насыщенного дня. Даже забываю, что провожу их в объятиях личного АД`а, что весь день радует меня своим неподдельным интересом к местам, которые я показываю.

А мы бы ведь и правда, могли бы начать именно так, Адриан. Но что-то пошло не так, и кто виноват – неизвестно. Наверное, мы оба. Он затеял игру в бармена, а я задрала нос выше крыши, когда поддалась стереотипному мышлению и

заклеймила бармена мужчиной, недостойным моего внимания.

Мы все рисуем в своей голове определенные портреты несуществующих людей, когда видим кого-то впервые. Между, «поддаться стереотипу» и «узнать человека поближе», большинство из нас всегда выберет первое. Я себя не оправдываю, но все бармены, которые клеились ко мне прежде, всегда лишь подтверждали образ парней, ведущих свободный и разгульный образ жизни. Часто, они не могли себе позволить даже угостить меня коктейлем, что говорит о многом... считайте меня меркантильной, но я правда, не хотела бы тащить на себе финансовую составляющую отношений и содержать жигало или бездельника. Это не мой выбор, и я прошу уважать мой, хоть и теперь осознаю, что глупо было бы мыслить столь ограничено и узколобо.

Все это не значит, что если бы Адриан представился президентом американской компании при встрече, то я бы растаяла. Скорее, наоборот. Почувствовала бы опасность и уж точно бы не стала спать с ним на том лайнере. В любом из вариантов – я сделала выводы о человеке, даже не узнав его.

Как часто мы судим по обложке? И насколько часто не задумываемся о том, что не являемся настоящими и носим маски, позволяя людям также судить о нас лишь по обложке, которая не соответствует содержанию? Стоит хотя бы раз заглянуть в инстаграм, где все выставляют только все самое лучшее, красивое и отфильтрованное. Сколько там настоящего? А главное – кому это, «настоящее», нужно?

Порой, все, чего мы хотим – это оставаться собой и знать, что этот мужчина или женщина рядом, просто выбирает тебя за то, что ты – это ты. Единственный или единственная в своем роде.

И к черту все штампы и правила, Адриан Батлер. Этот урок я уже уяснила.

– Неужели ты действительно привел меня сюда? – с восхищением рассматриваю фиолетовые облака, сгустившиеся у линии большого экрана, импровизированного на открытом воздухе. Мы в парке Горького. Адриан таки привел меня в уличный кинотеатр, до которого я за десять лет не добралась. Он меня услышал.

– Ты просила необычное свидание, крошка. Решил загладить свою вину за жестоко уничтоженный салат, – подмигивает Адриан, захватив в руки два пледа и огромный попкорн, который купил на входе. Не знаю, откуда он знает, но я, конечно же, люблю сладкий и позволяю себе его...почти никогда.

– Одними билетами в кино ты не отделаешься, – игриво замечаю я, когда мы занимаем последний ряд на огромной подушке для двоих, где будем сидеть чертовски близко друг к другу. Надеюсь, Батлер не одобряет секс в общественных местах, потому что к такому я совершенно точно не готова. Мне остается лишь проследить за его взглядом и напряженностью в мышцах и показав язык его тела говорит мне о том, что он не собирается спрашивать с меня контрактные обязательства прямо в парке.

Я даже не знаю название фильма, да и не хочу знать – настолько история, происходящая на экране, увлекает меня, что я надолго отключаюсь от этого мира. Лишь когда холодает, плотнее кутаюсь в плед, слегка поддавшись ознобу. Батлер замечает это и прижимает меня к своему телу, накрывая фланелевым одеялом нас обоих. Я чувствую его сердцебиение, когда невзначай кладу его на грудь Адриана. И оно стремительно учащается, когда на экране показывают флэшбеки из непростого детства главного героя.

Кажется, сейчас идеальный момент для того, чтобы узнать Адриана получше. Ключ к слабости любого человека лежит в самом святом для него – в детстве. Если кто-то увлеченно посвящает вас в подробности своего детства, можете не сомневаться в том, что самые важные очки доверия вы уже заслужили. А это то, что мне нужно.

Душа Адриана. То, что скрыто от посторонних глаз. То, что смогу использовать против него.

– Адриан, а кто твои родители? Наверное, не просто было воспитать такую целеустремленную и сильную личность... – наклонившись к его уху, интересуюсь я.

– Попытка лести, детка? Почему ты спрашиваешь? – стальные ноты в тоне его голоса разрушают все мои хитроумные планы.

– Просто, интересно...

– Я вырос в приюте. Родителей нет. Ещё вопросы есть? – я понимаю, что была не совсем тактична и реакция Батлера на банальный вопрос – мне понятна. И все же, принимать его закрытость не очень просто. Да, меня задевает, что он не доверяет мне, как человеку, как женщине. Точно, я ж просто куколка по контракту. Какие ещё разговоры по душам?

– Прости, я... – пытаюсь сгладить ситуацию, слегка опешив от внезапного возникновения ледяной стены между нами.

– Ты не знала. Эми, я хочу посмотреть фильм, – затыкает меня Батлер, фактически отворачиваясь и отстраняясь от меня, когда я хочу успокоить его и поцеловать в напряженную шею.

– Я просто пытаюсь узнать тебя, Адриан, – обхватываю его скулы ладонями, заглядывая в расширяющиеся зрачки его глаз. – Я помню, как говорила, что не хочу ничего о тебе знать. Беру свои слова обратно. Я много лишнего тогда наговорила, – максимально искренне произношу я, утопая во тьме его глаз, разглядывая в зеркальных безднах свое отражение. Руками ощущаю двухдневную щетину Батлера, изучая черты лица его пальцами, облизывая губы...Адриан трактует мой жест по-своему и стена между нами трескается, когда он благосклонно обвивает руками мою талию. Поглаживает мою спину, бедра и попку, скрыв развратную картинку от всех под пледом.

– Я хочу понять, что заставило тебя встать за барную стойку в тот роковой день, – мягко добавляю я.

– Было интересно понять, как воспринимают меня люди без дизайнерского костюма, – саркастично ухмыльнулся Батлер. Озвученная версия не внушает доверия, но хотя бы что-то. – Много лет назад я действительно работал барменом, – немного натянуто дополняет Адриан и, по напряжению в его руках, я могу понять, что тот период в жизни вызывает у него мало приятных воспоминаний. – Не сразу, знаешь ли, крупную компанию создал. Не всем все достается от родителей, как у некоторых, – Батлер явно имеет в виду Демидова, что с детства растет на золотых пеленках. Также, только в его глазах. Я знаю о Леше больше, чем кто-либо другой. Он со своими тараканами и недостатками, но он точно не типичный московский мажор. Однако это клише плотно прилипло к образу Демидова.

– Кому ты рассказываешь, Адриан? Я стояла за кассой и разносила одежду в магазине масс-маркета по девять часов в день. И также, не сразу заняла пост топ-менеджера в крупной компании. Я знаю цену честным деньгам. Знаю, каково это жить впроголодь и экономить на всем. Даже сейчас... – я вдруг осекаюсь, понимая, что не хочу рассказывать Адриану о Вике, Маше и Марке. – Я бы никогда не согласилась на этот контракт, если бы не определенные обстоятельства, – уклончиво заканчиваю я.

– Я знаю про твои обстоятельства, – без всякого выражения отзывается Адриан. – И про племянника тоже.

– Знаешь? – на секунду теряю дар речи, пытаюсь осознать весь цинизм его заявления. – Батлер, у тебя совесть есть? Ты же не просто меня квартирой и машиной шантажировал, а здоровьем ребенка. Скажи мне, здесь вообще есть сердце? – постукиваю указательным пальцем по его грудной клетке, внутри которой, я надеюсь, прячется сердце.

– Есть, детка, – ловит мое запястье Адриан, заглядывая прямо в глаза. – И оно даже бьется.

– Твой сомнительный юмор сейчас не уместен, – начинаю злиться я.

– Ты права, я перегнул палку, детка, – неожиданно и абсолютно серьезно признает Батлер. Я не знаю, говорит ли он о ситуации в целом или же это снова очередной хитроумный выпад, чтобы сбить меня с толку. – Я дернул свои связи и нашел способ уговорить доктора Амадея Нойера взять твоего племянника под свое наблюдение, – сообщает Адриан, отводя взгляд в сторону.

– Амадея Нойера? – слегка опешив, щебечу я, припоминая, как мечтала, чтобы Марк попал именно к этому врачу в клинике. Увы, лечение у него я не смогла бы обеспечить Марку, даже если бы никогда не встретила Адриана и не лишалась работы. – Что ты за это от меня спросишь, Адриан?

– Просто «спасибо» будет достаточно, – сухо отвечает он.

Адриан

– Спасибо и всё? – смерив меня недоверчивым взглядом, уточняет Эмилия. Сдерживая вспышку раздражения, я забираюсь ладонью под подол ее платья и уверенно веду вверх. Пусть думает, что хочет. Я сам не понимаю, что сподвигло меня на несвойственный мне благородный жест. – Ты не похож на парня, который хотя бы пальцем пошевелит без выгоды для себя, – озвучивает мои мысли Эм.

– Моя выгода есть всегда. Даже если она не носит материальный характер, детка, – улыбаюсь я, сближая наши лица. Она вздрагивает, когда я начинаю поглаживать ее упругую попку под платьем, чувствую, как нежная кожа под подушечками моих пальцев покрывается мурашками, а в темных глазах растет разочарование. На фоне темно-янтарной радужки черные зрачки выглядят бездонными. Это чертовски сексуально. Создается эффект возбуждения, даже если она просто злится, как сейчас. Мой мозг перестаёт анализировать ее слова, реагируя на темный блеск ее фантастических глаз.

– Спасибо натурой берешь? – с натянутой улыбкой спрашивает гордячка. Ее дерзость и снисходительный тон пробуждают во мне не самую лучшую сторону. Когда Эм пытается показать какой я подонок, на каком-то подсознательном уровне мне хочется доказать, что она слишком плохо меня знает. Я хуже. Гораздо хуже, чем она может себе представить. И самое неприятное для нее, что я вовсе не утрирую. Эм не до конца осознает, что Адриан Батлер не тот парень, с которым можно вести легкомысленные словесные баталии, упражняться в остроумии и впустую тратить мое время. Я действительно ничего не делаю вразрез со своими интересами и без конкретной выгоды. И это чертово свидание я организовал не для нее, а для себя, рассчитывая на определённые дивиденды, которые спрошу с Эмилии, когда мы вернемся домой. Довольные девушки трахаются с большим энтузиазмом. Цинично, но не раз проверено на практике. Обычно бывает достаточно дорогих безделушек, ужина в хорошем ресторане и финансового бонуса на личные траты, чтобы поднять настроение, а заодно и усилить либидо моей спутницы. Но, увы, с Эмилией Гордеевой банальные подходы не работают. Приходится импровизировать и выступить в новом, нетипичном мне образе романтического подонка.

– Возьму, если настаиваешь, – отвечаю я на вопрос, о котором она уже благополучно забыла во время нашего зрительного состязания в игре, кто первый отведет взгляд. Придвигаюсь еще ближе и, наклонив голову, почти касаюсь ее губ. Эмилия не отстраняется, потому что понимает бессмысленность сопротивления. А еще, ей хочется, чтобы я прикасался к ней, даже если разум и

гордость требуют обратного. Наше притяжение взаимно, это неоспоримый и красноречивый факт и если бы Эм не усложняла, то мы могли бы получить максимум удовольствия от нашего сотрудничества.

– Не сейчас же, – шипит Эмилия, когда я просовываю пальцы под полоску стрингов и нагло ныряю между ягодицами, поглаживаю тугое колечко и устремляюсь ниже, где уже горячо и влажно. Она сжимает бедра и шумно выдыхает, потому что мои пальцы уже внутри.

– Не здесь, Адриан! – обсидиановые глаза мечут молнии, а расширенные зрачки и прерывистое дыхание говорят, что мои бесстыдные действия заводят гордячку не меньше, чем меня.

– Тебе неприятно? – иронично улыбаюсь я, неторопливо двигая пальцами и неотрывно наблюдая за смущенным выражением лица Эмилии. Мимо нас проходят двое подростков, держась за руки и Эм напрягается, упираясь ладонью в мою грудь.

– Прекрати, мы в общественном месте, – гордячка включает блюстительницу морали.

– Расслабься, детка, никто ничего не увидит, – охватив тонкое запястье, я веду ладонью Эмилии по своему прессу вниз, опускаю под плед и кладу на натянутую ширинку джинсов. Ее пальцы дергаются, словно она впервые дотрагивается до возбужденного мужского члена.

– Ты свихнулся, Батлер? – она с неприкрытым потрясением смотрит на меня и так неподкупно и по-настоящему стесняется, что потребность шокировать крошку еще сильнее перехлестывает допустимые границы. Эми вздыхает с преждевременным облегчением, когда я извлекаю из нее свои пальцы. Пытается убрать ладонь с моей эрекции, но я силой удерживаю ее на месте.

– Не спеши, детка, – севшим голосом говорю я, лаская влажными от ее сока пальцами плотно сжатые бедра. Эми сканирует меня настороженным взглядом, и я снисходительно улыбаюсь, задирая подол ее платья выше и дотрагиваясь до судорожно втянутого живота. Провожу подушечками пальцев вдоль резинки крошечных трусиков и резко стягиваю их вниз с подпрыгнувшей от неожиданности Эмилии.

– Адриан! – восклицает она и прикусывает губы, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. В парке достаточно темно и не очень многолюдно. Если Эм не будет шуметь и дергаться, наши шалости никто не заметит.

– Ш-ш, детка, – шепчу я, накрывая ладонью ее идеально гладкое лоно. – Расслабься и перестань зажиматься, – уговариваю я, поглаживая горячие складочки, раздвигаю их пальцами и, собирая влагу круговыми движениями, размазываю по разбухшему чувствительному узелку.

– Ты сексуальный маньяк, Адриан, – беспомощно бормочет Эмилия. – Эгоистичный, бесстыдный и испорченный.

– Сексуальный согласен, но эгоистичный? Разве я делаю сейчас что-то для себя? – ухмыляюсь я, активнее растирая пульсирующий клитор большим пальцем, двумя другими неторопливо погружаясь в мокрую, узкую дырочку. Ее тело сдается, и она раздвигает бедра, предоставляя мне свободу движения, которой я мгновенно пользуюсь и ускоряю ритм и глубину толчков своих пальцев. Эми сдавленно стонет, пряча пылающее лицо у меня на груди. И, черт, в этом есть что-то, от чего щемит сердце. Мне нравится, как она прижимается ко мне, как кутается в мои объятия, как безуспешно пытается удержать рвущиеся из груди стоны и приближающийся оргазм, как течет на мои пальцы, плотно сжимая фаланги внутренними мышцами, вынуждая вспомнить, как нереально кайфово кончать внутри нее, вместе с ней. Черт, это клиника. Мне слишком до хера всего нравится в девушке, которая находится здесь исключительно по моей воле, уверенная в том, что я ей на хрен не нужен.

– Боже, не могу поверить, что делаю это в парке, – Эм всхлипывает, поддаваясь бедрами вперед. Мы оба слышим, как я трахаю ее пальцами, и эти порочные звуки только подстёгивают возбуждение.

– Давай, детка, кончай. Я чувствую, что ты близко, – лизнув ее сухие, горячие губы, тороплю я. Эмилия прикрывает ресницы, полностью отдаваясь ощущениям.

Наверное, если не знать наверняка, что за жара творится под пледом, то со стороны мы смотримся обычной, влюбленной парочкой. Ее запрокинутая голова у меня на плече, мои губы медленно и обманчиво-невинно скользят по ее, а потом внезапно впадают с голодным рычанием, заглушая протяжный, женский

стон. Её оргазм стремительный и мокрый, она дрожит, цепляясь одной рукой за сползающий плед, второй непроизвольно сжимает мой вздувшийся под джинсами член. Я не даю Эмили отдышаться, сплетая наши языки в разнузданном танце, продолжая ласкать ее между ног. Несмотря на прохладный вечер и усилившийся ветер, нам обоим чертовски жарко.

– Это было классно, детка? – разрывая поцелуй, хрипло спрашиваю я, натягивая ее трусики обратно и, не удержавшись, в последний раз толкаюсь пальцами в горячее лоно.

– Скорее, грязно, Эйд, – ее взгляд плывет, а улыбка выглядит немного пьяной. Я достаю пальцы из ее трусиков и провожу ими по своим губам, облизываю, вдыхая густой запах женского возбуждения. Задумчиво хмурюсь, пытаюсь не рассмеяться, потому что сейчас Эмилия смотрит на меня еще более потрясенно, чем пять минут назад.

– А, по-моему, вкусно, детка, – озвучиваю свой вердикт, и она краснеет, словно девственница, но при этом ее маленькие, проворные пальчики бесстыдно двигаются вдоль моей вздувшейся до треска ширинки. – Расстегни, – приказываю я, глядя ей в глаза. И моя скромная гордячка делает это. Расстегивает ремень, пуговицы, дергает вниз молнию. Завороженно смотрит, как я судорожно втягиваю воздух, когда ее пальцы обхватывают освобождённый член и начинают неторопливо скользить по всей длине.

– Быстрее, детка, – шиплю сквозь зубы. И малышка снова слушается, удивляя меня необычайной покорностью. – Хорошая девочка, – хвалю я, зарываясь пальцами в шелковистые волосы и притянув вплотную, впиваюсь в приоткрытые губки. Легкий, чувственный поцелуй плавно перетекает в жадное пожирание друг друга.

– А теперь медленнее, детка, – хрипло выдыхаю я, чувствуя приближение разрядки. Накрываю ее пальцы своими и показываю, как надо. Судя по горящему взгляду, неотрывно скользящему по моему лицу, Эмили очень нравится учиться доставлять мне удовольствие. Те самые ожидаемые дивиденды, о которых я говорил совсем недавно.

– Ты потрясающая, детка, – поглаживая подушечками пальцев ее затылок, шепчу я, провожу языком по нежным губам, и она послушно открывает их, – Хочу твой

язычок в другом месте, – озвучиваю свои пожелания. Эмилия ощутимо напрягается, в темных зрачках лавина противоречивых эмоций.

– Сделаешь это для меня, детка? – спрашиваю я, настойчиво глядя в черничные глаза. – Я закрою тебя, – отлично понимая причину ее сомнений, заверяю я. – Все смотрят фильм. Тут темно и никому нет дела, чем мы занимаемся. Давай, малышка, – я мягко нажимаю на ее затылок и, после недолгого сопротивления, она опускается с выражением лица, которое я не успеваю разгадать. Я приподнимаю плед, но не накрываю Эмилию полностью. Хочу посмотреть, как моя краснеющая гордячка отсасывает мне в парке. Я уверен, что она никогда не делала ничего подобного даже мысленно и в этом есть особое удовольствие, запускающее взрыв адреналина по моим венам. Она пару раз обводит языком раскаленную головку и мягко обхватывает губами, вызывая у меня гортанный стон. Это охрененно горячо, несмотря на то, что чувствуется отсутствие опыта. Всего несколько незамысловатых движений языка и губ по моему члену, и я на грани. Я не хочу быть грубым, но черт, мне нужно больше. Запустив пальцы в темные волосы, я подталкиваю ее к более решительным действиям, устанавливая стремительный ритм, контролирую глубину и скорость толчков. Весь процесс занимает не больше минуты. Я слишком возбужден, чтобы сдерживаться дольше.

– Ты умница. Сейчас, детка, – дёрнувшись всем телом, я разряжаюсь в нежное горло. Гортанно рычу, удерживая Эмилию за волосы до последнего судорожного спазма.

– Ты космос, малышка, – удовлетворённо бормочу я, подтягивая ее к себе и зарываясь носом в растрепанные волосы. – Поедем домой? Все равно полфильма пропустили, – подхватывая подбородок пальцами, пытаюсь посмотреть в глаза, но Эмилия упорно отводит взгляд.

– Как скажешь, Адриан, – тихо отвечает она. Эм на удивление сговорчива, но мне слишком хорошо, чтобы я задавался вопросом о возможных причинах ее непривычного состояния.

Застегнув джинсы, я встаю и протягиваю ей руку. Эмилия игнорирует мой жест и справляется сама. Повернувшись ко мне спиной, она складывает пледы, я беру практически нетронутый попкорн и набираю номер Эрика, который должен был припарковаться неподалеку, чтобы отвезти нас домой. Я бросил кабриолет возле ресторана, куда мы с Эм заходили перекусить. Пешком передвигаться по Москве

оказалось гораздо быстрее и приятнее, чем на колесах. К тому же я составил Эмилию компанию и выпил за обедом пару бокалов вина. По-моему, оно тоже сыграло свою роль в готовности горячки немного пошалить в парке.

В машине Эмили хранит упорное молчание, но не отталкивает, когда я обнимаю ее, притягивая к себе.

– Что не так, детка? – тихо спрашиваю я ее, перебирая пальцами мягкие локоны.

– Все в порядке, Адриан. Я просто устала, – не очень умело врет Эмилия.

– Я тебя обидел? – в лоб спрашиваю я, не собираясь ходить вокруг да около. Она шумно сглатывает и ускользает из моих объятий, отворачиваясь к окну. Ответ более, чем красноречив.

– Чем? – обхватываю ее за талию и прижимаюсь сзади, касаясь губами ее виска. – Скажи мне, Эмили, иначе мы не сможем понять друг друга.

– Мы и так никогда не сможем понять друг друга, Батлер, – с горечью выдает Гордеева, обхватывая себя руками и упираясь лбом в стекло. – Взаимопонимание не входит в перечень пунктов нашего контракта. И свидания тоже. Это была глупая идея.

– Почему? – стиснув зубы, требую объяснений. Похоже, моя теория дивидендов с Гордеевой не работает, как и все остальные. – Что за ядовитая пчела тебя ужалила, Эм? Ты из-за минета так взъелась?

– Давай окна еще откроем, пусть все слышат, – огрызается Эмилия. – Мало того, что пол парка видело.

– Да, кто там мог видеть? – кладу руку на ее плечо. Но она пренебрежительно стряхивает ее. Вот же мозгоклюйка. Пойди разберись еще, что у нее в голове.

– Очень трудно догадаться, что делает девушка под пледом, склонившись над шириной парня, – язвит Гордеева, делает глубокий вдох и ее прорывает: – Скажи, мне, Батлер, вот как можно было единственный, нормальный, сносно-

романтичный вечер превратить в очередное грязное удовлетворение твоего раздутого эго?

Что, блядь? Я опять козел и подонок, а она целомудренная жертва?

– Черт, я тебя силой заставил? По-моему, ты этого сама хотела! – раздражаюсь я.

– Да, конечно. Давай, лъсти себе дальше, – фыркает Эм. Скрипнув зубами, я резко разворачиваю Гордееву к себе и застываю в растерянности. Ее щеки мокрые от слез, в глазах неприкрытая боль и обида.

– Черт, – бормочу я, хмуро наблюдая, как она торопливо вытирает щеки ладонями. Открываю рот и не знаю, что сказать, потому что вообще ни хрена не понимаю.

– Выдохни, Батлер. Хотел девочку по контракту, получишь. Это минута слабости, я сейчас возьму себя в руки и такого больше не повторится. Но я бы попросила в будущем избегать публичных унижений.

– Унижений? – переспрашиваю я, не веря своим ушам. – Чем я унизил тебя, Эмилия? Тем, что хочу тебя до одури или тем, что не могу не прикасаться к тебе, когда ты находишься в зоне досягаемости или я унижаю тебя тем, что у меня крышу носит, когда я смотрю, как ты кончаешь? Так унижительно принадлежать мне, детка?

– Ты говоришь только о своих желаниях! А если я всего этого не хочу? – дрожащими губами спрашивает Эм. Я беру ее лицо в ладони и наклоняюсь максимально близко.

– Ты хочешь, детка, – твердо говорю я, настойчиво глядя в глянцево-блестящие глаза. – И это вполне естественно и нормально, и ни грамма не стыдно, и точно не унижительно. Я не знаю, что за тараканы обитают в твоей красивой головке, но ты вытравишь их прямо сейчас и запомнишь все, что я тебе сейчас сказал. Сегодня был замечательный вечер. Возможно лучший из всех, чтобы были у меня за последние годы. Мне нет смысла тебя очаровывать, ты уже моя и врать мне незачем. Поэтому просто поверь на слово. Мне охрененно понравилось наше свидание, все целиком, а не только какая-то часть. И если ты хочешь испортить мне настроение своими необоснованными претензиями, то скажи, и я выйду

прямо сейчас из машины и не буду тебя унижать своим присутствием. – Эмилия несколько раз моргнула, кусая губы и неуверенно глядя на меня. Я напоминаю себе, что Гордеевой двадцать шесть лет. Двадцать шесть, черт побери, а ведет она себя, как пугливая, закомплексованная девчонка.

– Не надо никуда уходить, – едва слышно отвечает Эмилия. Я облегченно выдыхаю, погладив ее по щеке. Обняв за талию, властно сажаю себе на колени и утыкаюсь носом в изгиб ее шеи.

– Ты, правда, никогда не занималась оральным сексом до меня? – задаю я еще один не отпускающий вопрос. Слишком яркая, негативная реакция на обычный минет, про первый раз я вообще молчу.

– Никогда, – отвечает она без раздумий.

Правда... Охренеть. Двадцать шесть лет...

Черт. Гиббс прав, я действительно вытянул счастливый лотерейный билет. Я улыбаюсь, нежно поглаживая пальцами ее хрупкие плечи.

– Это очень хорошо, детка. Обещаю, что больше никакой шокотерапии. Буду совращать тебя постепенно, – порочно обещаю я.

– Ты все-таки придурок, Батлер, – обреченно вздыхает Эмилия. – И маньяк, – она зарывается пальцами в мои волосы, когда я поднимаю голову и ловлю ее губы своими. Скользя ладонями вниз, сминаю упругую попку и прижимаю к стремительно твердеющему паху.

– А секс в машине у т...

– Заткнись, – смеется гордячка, затыкая ладонью мой рот, а я неотрывно смотрю на пляшущих чёртиков в смоляных глазах, в очередной раз понимая, как крепко влип.

С подземного паркинга мы сразу поднимаемся в мои апартаменты. В кабинке лифта мы одни и, пользуясь моментом, я прижимаю игриво настроенную гордячку к зеркальной стене. Мне кажется, время остановилось, и мы целуемся

целую вечность, а на самом деле всего пару десятков этажей. Осмелев, Эм забирается ладонями под мою футболку и слегка задевает ногтями кожу на спине. Я подхватываю гордячку под ягодицы и вдавливаю в свои бедра, давая ей понять, что как только мы войдем в квартиру, одними поцелуями дело не ограничится.

– Адриан, – с придыханием шепчет мое имя, прижимаясь твердыми сосками к моей груди.

– Эмилия? – вторю я, вопросительно глядя в поплывшие глаза и поцеловав в кончик носа, с сожалением ставлю на пол. Обескураженный и даже обиженный взгляд Гордеевой вызывает невольную улыбку. – Мы приехали, детка, – поясняю я и, взяв за руку, разворачиваю к открывающимся створкам лифта.

– Закажем что-нибудь поесть? Чего бы ты хотела? – спрашиваю я. Как наркоман вдыхаю аромат ее волос и, обняв за талию, увлекаю по ярко освещенному холлу к своим апартаментам.

– Тебя, – дразнится Гордеева, сунув руку в задний карман моих джинсов. Она вдруг резко останавливается и буквально отпрыгивает от меня, и я грешным делом думаю, что она ненароком нащупала пачку контрацептивов и сделала какие-то неправильные выводы. И блядь... лучше бы это действительно были презики.

– Добрый вечер, Батлер, – от стены, рядом с дверью в мою квартиру, отделяется высокая тень уволенного сегодня утром Пола Баррета. Надо заметить, что черный, траурный костюм смотрится на нем, как нельзя кстати. После вчерашнего разговора с Клайдом, я распорядился, чтобы экс-финансового директора больше не пропускали в офис «Эталон Групп» и выдали документы и личные вещи на пропускном пункте. Похоже, для него этот факт стал полной неожиданностью, и он явился за объяснениями.

– Не помню, чтобы я приглашал тебя, Пол. Время для личного визита не совсем подходящее, – сухо отвечаю я, взглянув на наручные часы. – Я думал, ты уже на полпути в Нью-Йорк, – подхожу к двери, оттесняя Баррета плечом.

– Я отработал на тебя семь лет, Батлер, без единого нарекания и имею право знать причину, по которой ты одним днем вышвырнул меня из бизнеса, – гневно

возмущается Пол и заграждает мне путь.

– Ты знаешь причину. Не советую тебя стоять на моем пути, – конкретно и недвусмысленно угрожаю я. Баррет, недовольно засопев, отступает в сторону. Приложив ключ к замку, распахиваю дверь:

– Эмилия, зайди внутрь, – обращаюсь к Гордеевой. Она уже успела взять себя в руки и выглядит невозмутимо и самоуверенно. Плечи расправлены, спина прямая, взгляд снисходительный, словно у особы королевской крови. Хороша чертовка. Именно такой я и увидел ее в баре на «Развратной Джен». Немигающий, напряженный взгляд Баррета переключается на Эмилию, и уголок поджатых губ нервно дергается.

– Мисс Гордеева и вы здесь? Какая неожиданная встреча! – глумливо ухмыляется Пол, совершая очередную опрометчивую ошибку, хотя в его ситуации копать глубже бессмысленно. Все равно труп. – Я так понимаю, вас можно поздравить с восстановлением в должности?

– Еще нет, но я работаю над этим, – абсолютно ровным тоном отвечает Гордеева, прежде, чем я успеваю заткнуть трепливому недоумку. Эмилия подходит вплотную походкой от бедра, дотрагивается до моей щеки и быстро целует в губы. – И у меня большие шансы на успех. Правда, Батлер? – прикрыв ресницы, она хитро улыбается, в очередной раз поставив меня в ступор.

– Далеко пойдешь, Гордеева. И наставник у тебя, что надо. Сам также начинал, – язвительно бросает Пол и переводит на меня злобный взгляд. – Смотри, Батлер, не окажись на месте Джен Уэбстер с такой-то старательной ученицей.

– Не окажусь, Баррет, – стальным тоном отвечаю я, с трудом сохраняя самоконтроль. Десять лет назад, да даже пять, я бы размазал придурка по стенке, пересчитав все ребра и исправив форму его носа, а сейчас я понимаю, что для личных счетов есть методы гораздо более действенные, чем грубая физическая сила. – Удачного полета, Пол.

Схватив Эмилию за локоть, я буквально заталкиваю ее в апартаменты и захлопываю за собой дверь.

– Эй, тише, – Гордеева отпихивает меня, морщась, потирает руку, где остались следы от моих пальцев. – Ты чего взбесился?

– А что ты за концерт устроила? – огрызаюсь я и прохожу напрямик к мини-бару. – Сделать тебе коктейль?

– Пошел ты, – повернувшись ко мне спиной, она направляется в спальню.

– Не начинай, Эм, – предупреждаю я, плеснув себе виски и следуя за ней.

Она сидит на кровати, вытряхивая из дамской сумочки содержимое и заметно нервничая. Я прохожу к панорамному окну и, опираясь плечом на стекло, наблюдаю за ее безуспешными манипуляциями.

– Что ты ищешь?

– Телефон, – забавно хмурясь, отвечает Эмилия. – Не могу найти. Я отключила его вчера после отправки сообщения тому, чье имя называть нельзя. Не хотела, чтобы он доставал меня звонками.

– Зачем он тебе? – сухо интересуюсь я, сделав глоток холодного виски.

– Телефон? Что значит, зачем он мне? – изумлённо смотрит на меня, растерянно хлопая ресницами. – А тебе зачем твой телефон?

– Сейчас – зачем, – конкретизирую я.

– Ты издеваешься?

– Нет, – спокойно отвечаю я, качнув головой. – В первом ящике прикроватной тумбочки, – показываю пальцем направление. – Постарайся пока живешь здесь проявлять аккуратность к своим и моим вещам. Так будет комфортнее для нас обоих.

– Я не неряха, – мгновенно оскорбляется Эм.

– Я этого не говорил. Я в душ. Ты со мной?

Гордеева перебирается по кровати на другую сторону, сексуально виляя упругой попкой. Добравшись до возжеленного телефона, облегченно вздыхает.

– Нет, мне сестре надо позвонить, – отвечает, спрыгивая с кровати и ловит меня на полпути в ванную. – Адриан, – забирает у меня стакан и, сделав глоток, кривится и возвращает обратно.

– Я предлагал коктейль, – напоминаю я и ухмыляюсь, вспоминая «наш первый». – Мог бы сделать кричащий оргазм. Тебе понравилось, насколько я помню.

– Я притворялась, – снова дразнит меня эта лиса. Поставив стакан на стеллаж за спиной, заключаю Гордееву в кольцо своих рук, собираясь на практике опровергнуть ее заявление.

– Ты действительно уволил Баррета одним днем? Без объяснений и предупреждения? – внезапно интересуется Эмилия. Резкий поворот темы разговора мне совсем не нравится. Лучше бы продолжили обсуждать «кричащий оргазм», а точнее перешли бы непосредственно к его «приготовлению».

– Да, – коротко отвечаю и наклоняюсь, чтобы заткнуть любопытный рот поцелуем, но Гордеева так просто не сдается и ловко уклоняется.

– За что? – спрашивает она и становится ясно, что так просто горячка не отстанет. Вздохнув, я отпускаю ее и, сделав шаг назад, облакачиваюсь на стену.

– Это не твоё дело, детка, – устало говорю я. – Почему тебя волнует Баррет?

– Из-за него я вылетала с практики.

– Я знаю, – отвечаю я и Эмили не выглядит удивленной, принимая мою осведомлённость в отношении нее, как нечто естественное.

– Что еще ты знаешь?

– Только его версию, – передёргиваю плечами. Эмилия окидывает меня задумчивым взглядом, потом пятится назад и садится на край постели.

– Ты ей веришь? Его версии? – в лоб спрашивает Гордеева, запрокидывая голову и глядя мне в глаза.

– Сейчас – нет. А в самом начале я как-то об этом не думал.

– Он пытался меня склонить к сексу, я ему вмазала, – сжимая кулаки, на одном дыхании ожесточённо сообщает Гордеева.

– Правильно сделала, – одобряюще ухмыляюсь я. Примерно такого ответа я и ожидал.

– Когда я вмазала тебе, ты считал иначе, – продолжает Эмилия и желание улыбаться мгновенно испаряется. – А потом явился, как демон мести и вышвырнул меня из компании.

– Ты ушла сама.

– Не смей, Адриан, – саркастично отзывается Гордеева. Ее голос пропитан горечью и обидой. – Ты специально утопил мой проект, а потом отдал его Самойловой, которая со студенческой скамьи пытается меня подсидеть не только в бизнесе, но и в кровати жениха.

– Бывшего, – резко напоминаю я, отрываюсь от стены и подхожу к негодующей гордячке. Опускаюсь на корточки, накрывая ладонями сжатые кулаки. Воинственная амазонка моя. – Топить твой проект намеренно никто не собирался. Это непрофессионально, детка. Ты проделала огромную работу, но ошибки есть, сейчас они корректируются и устраняются. После доработки мы непременно запустим твою «Мечту».

– Мы? – удивленно переспрашивает Эмилия.

– Да. Мы. Завтра ты возвращаешься на работу. Приказ я подписал еще утром, так что не трать время на циничные комментарии и напоминания о своих унижительных мучениях в парке. Они к моему решению не имеют никакого

отношения.

– А Самойлова? – недоверчиво уточняет Гордеева, словно до конца не верит, что я говорю серьезно. Нестандартная реакция, учитывая, как сильно Эмилия хотела вернуться к своему проекту. Ее пристальный, сканирующий взгляд вызывает во мне странное чувство, неприятно царапающее изнутри.

– Она некомпетентна, – я какого-то хрена отвожу взгляд. – У меня было время лично убедиться в этом. Хочешь, чтобы я ее уволил?

– Нет, конечно... – поспешно возражает Эмилия и даже немного пугается. – А ты бы уволил?

– Нет. Проверяю насколько ты мстительная, детка, – улыбаюсь я, запуская пальцы в ее волосы и сталкивая нас лбами.

– О, ты даже не представляешь насколько, Батлер! – заверяет она. – Сто раз пожалеешь, что связался с Эмилией Гордеевой.

– Может, тогда начнешь свою месть с того, что потрешь мне спинку в душе? – встаю на ноги и тяну ее за собой, но гордячка ловко выворачивается из моих рук.

– Когтями? – парирует она. Склонив голову, я делаю вид, что глубоко задумался над ее заманчивым предложением. Я успел уяснить, что гордячка профи в области провокации.

– Не откажусь, – снова пытаюсь поймать и сгрести в охапку и опять безуспешно. Эмилия пятится, сжимая в руке свой чертов мобильник.

– Иди первый. А я сполоснусь в гостевой ванной. Мне, правда, надо узнать, как дела у Марка. И Вике нужна сейчас моя поддержка. Я пропала на сутки. Она, наверное, места себе не находит, – в глазах Эмилиии появляется виноватое выражение.

– Ты итак достаточно для них делаешь, Эм и не должна оправдываться, почему не отвечаешь на звонки, – сухо высказываю свою точку зрения.

– Дело не в этом, – возражает Гордеева, с легким недоумением глядя на меня. – И мне не трудно. Эйд. Они моя семья. Мы должны заботиться друг о друге.

– А они позаботились о тебе, когда ты попала в беду?

– Ты сейчас себя имеешь в виду?

Я киваю, нехотя соглашаясь.

– Я уверена, что, если бы у Вики была возможность, она отдала бы мне последнее, – она осекается, быстро отворачиваясь и я догадываюсь, что мы сейчас подумали об одном и том же. У меня была и есть возможность, но я использую ее исключительно для того, чтобы не дать, а забрать последнее. Взять всё, что сочту нужным, не испытывая при этом ни малейшего сомнения в средствах и способах получения желаемого результата. Уверен, Эмилия считает меня беспринципным, эгоистичным потребителем и аморально-бессовестным разрушителем ее жизни. Меня это нисколько не задевает и не вызывает желание доказать обратное. Я такой и есть. В бизнесе мои методы достижения цели называется «агрессивное поглощение» и до настоящего момента они действовали безотказно.

– Закажешь еду из ресторана. На свой вкус, – буднично бросаю я, прежде чем скрыться в душе. Эта пауза в пятнадцать-двадцать минут необходима нам обоим.

Ужинаем мы в молчании, прерываемом бесконечным писком мобильного Эмилии. Я не спрашиваю, кто посреди ночи засыпает ее сообщениями. Ответ итак предельно ясен. Поймав мой красноречивый недовольный взгляд, Эмилия переводит свой айфон на беззвучный режим, поправляет узел полотенца на груди, откидывает за спину тяжелые, влажные пряди волос. Я улавливаю ягодный аромат ее шампуня, смотрю на ее полные губы, изящную линию плеч, пульсирующую голубоватую артерию на хрупкой шее, длинные черные ресницы, упорно опущенные вниз, в тарелку, к которой Гордеева не притронулась.

– Ты нервничаешь? – не вопрос, скорее утверждение. Эмилия пожимает плечами.

– Немного устала, – бесцветным тоном отвечает она. И снова напряженная тишина между нами, лязганье посуды, раздражающая бесконечная вибрация телефона. Сомневаюсь, что это сестра достает Эмилию сообщениями. Алексей Демидов. Неугомонный сучонок. Так и напрашивается на финальный выстрел по его обречённому бизнесу.

За окном давно ночь. На кухне полумрак. Оба в полотенцах. Гордеева хотела одеться, но я настоял, чтобы оставалась так. Меньше суматохи с раздеванием, когда ляжем в постель. Вяло ковыряясь вилкой в своей тарелке, она время от времени бегло прогуливается взглядом по моему телу, а я смотрю прямо и непрерывно, наслаждаясь одновременно и ужином, и красивой полуголой девушкой. Для меня все происходящее так же необычно и непривычно, как и для нее. Границы важны для нас обоих. Ни одна из моих женщин не жила со мной. Иногда оставались на ночь, но утром я выпроваживал их раньше, чем садился завтракать и мне было плевать, как они проводят все остальное время, пока не трахаются со мной. С Эмилией Гордеевой привычный шаблон не работает, с этим я уже смирился. Она все время пытается улизнуть и мне спокойнее держать ее рядом. Или я просто ищу оправдание круглосуточной зависимости от этой порой невыносимой девчонки?

– Я бы хотела обсудить модель нашего поведения в офисе, – Эмилия, наконец, прерывает молчание, накрыв ладонью надоевший нам обоим жужжащий телефон. Я ничего не отвечаю, вытирая губы салфеткой. Делаю глоток вина из бокала, по-прежнему не сводя с Гордеевой пристального взгляда. – Мы можем не афишировать, что спим вместе? – набравшись смелости, конкретизирует Эм. Ожидаемый вопрос и, в принципе, своевременный, но я все равно раздражаюсь.

– Мы еще и живем вместе, – нейтральным тоном напоминаю я. – Рано или поздно этот факт всплывет. Боишься офисных сплетен? Осуждения или, может быть, зависти?

– Дело не в этом, – она вскидывает на меня удивленный взгляд, словно я сморозил дичайшую глупость. Ну конечно, кому придет в голову завидовать тому, что она спит с каким-то владельцем американской строительной корпорации. – Адриан, я могу не объяснять причины?

– Можешь, – киваю я, пытаюсь обуздать всплеск бешенства, вызванный моими предположительными версиями. – Будем скрывать наш постыдный грязный секрет исключительно в этих стенах, – добавляю цинично и, двинув к себе

пепельницу и пачку сигарет, лениво закуриваю. Эмилия крутит в пальцах ножку бокала, из которого не сделала ни одного глотка. Ее неспособность скрыть волнение вызывает противоречивые чувства. С одной стороны, я не хочу, чтобы она меня боялась, с другой... С другой, я упиваюсь своей властью над загнанной в ловушку гордячкой. Ее реакция, эмоции, сопротивление – афродизиак, который я не пробовал ранее и поэтому мгновенно подсел. Прищурившись, я не моргая наблюдаю за Эмилией сквозь сизый дым и в итоге у малышки сдают нервы.

– Знаешь, у меня совсем нет аппетита, – она вскакивает из-за стола. – Ты будешь не против, если я пойду в постель?

– Подойди ко мне, – затушив сигарету, вполголоса требую я. Она с подозрением хмурится, но делает пару шагов в мою сторону. Я кладу ладонь на ее бедро и, не сводя глаз с напряженного лица Гордеевой, медленно веду вверх, по изгибу талии и останавливаюсь на округлости груди, резко дергаю узел полотенца, позволяя ему упасть к ногам. Она вздрагивает и покрывается мурашками, когда я неторопливо обвожу пальцами сначала один сосок, потом другой, опускаюсь ниже... Ее дыхание сбивается, ресницы трепещут, но я всего лишь звонко хлопаю гордячку по тугой заднице.

– Теперь можешь идти. Я скоро присоединюсь, – обещаю я, с удовлетворением заметив разочарование в потемневших глазах. – Не вздумай одеваться. В моей постели ты всегда должна быть в костюме Евы.

– Как скажешь, Адриан, – отбросив смущение, Эмилия снова включается в игру, перевоплощаясь в сексуальную кошечку. – Не заставляй меня долго ждать, – приглушённо шепчет хитрая бестия, чувственно улыбается и удаляется из кухни, плавно виляя подтянутой попкой, оставляя меня наедине с болезненной эрекцией, недопитым вином и сигаретой, которую я нервно дергаю из пачки. Хочется вскочить и побежать следом, толкнуть на кровать и как следует натянуть эту напрашивающуюся на хороший трах задницу, но, черт, я уверен, Гордеева снова неправильно оценит мой порыв. В ее глазах потребность мужчины заниматься с ней раскрепощённым и разнообразным сексом является чем-то постыдным и унижительным. Если честно, такие замороченные мне еще не попадались. В этой ситуации мне непонятна роль отпрыска Демидова, не один год состоявшего с Эмилией в близких отношениях. Судя по тому, что я видел на снимках эротического содержания с его участием, парень не приверженец миссионерской позы, но по какой-то причине не спешил поделиться своим богатым опытом с теперь уже бывшей невестой. Тут

напрашиваются два варианта. Первый – он ее не хотел, что очень сомнительно. Второй – боялся отпугнуть, предварительно успев изучить «тараканов» Гордеевой.

Многие мужчины предпочитают заниматься одноразовым сексом с легкодоступными горячими штучками, а женятся на краснеющих от вида члена девственницах, ошибочно полагая, что такие тихушницы никогда не наставят рога, и до конца жизни будут смотреть в рот своему мужу, и терпеть походы налево. Это распространенное заблуждение. Подавленная и нераскрытая сексуальность рано или поздно найдет свой выход, и краснеющая скромница даст такого жару, что рога на голове законного супруга будут кольцами завиваться.

Я жениться, разумеется, не собираюсь, ни на Гордеевой, ни вообще. Но более, чем уверен, что за ближайшие пару недель мне удастся раскрыть весь сексуальный потенциал Эмили. Она очень перспективная и страстная девочка. Единственное, что ей мешает – внутренние пуританские установки, нуждающиеся в срочной перезагрузке. Именно этим я и собираюсь заняться прямо сейчас.

Затушив очередную сигарету, подрываюсь из-за стола и направляюсь в спальню. Бесшумно захожу в приоткрытые двери, бросаю взгляд на пустую идеально заправленную кровать, в которой меня никто не ждет. Гордеева в шелковом пеньюаре вполоборота стоит на фоне панорамного окна, задумчиво уставившись в свой злосчастный телефон. Огни ночной Москвы неоновыми вспышками освещают бледное лицо, она нервно поджимает губы и хмурит брови, словно прямо сейчас решает непосильную для себя задачу. Меня в упор не замечает, слишком погруженная в тревожные размышления. Судорожно вздохнув, Эмилия начинает что-то печатать тонкими, длинными пальцами. Стиснув зубы до характерного скрежета, я стремительно сокращаю расстояние между нами и грубо вырываю телефон из рук Гордеевой. Опешив от моей бесцеремонной выходки, Эмилия временно «зависает» и этой паузы оказывается достаточно, чтобы я бегом пробежал взглядом по длинной, односторонней переписке.

«Лия, я все готов объяснить. Просто ответь. Давай поговорим».

«Малышка, я не видел Самойлову больше полугода. Клянусь, что между нами ничего нет...»

«Да, признаю, был один хренов эпизод. Я сожалею, прости меня, но это случилось до того, как ты вернулась ко мне».

«Поверь, котенок, я говорю правду. Она ничего не значит. Пожалуйста, ответь. Ты единственная, никого больше нет и никогда не будет».

«Возьми трубку, Лия. Давай просто поговорим, как взрослые люди».

«Почему ты не хочешь хотя бы выслушать? Мы не можем расстаться из-за какой-то ерунды. Это просто фото. Я люблю тебя, киска, не поступай так. Я спать не могу. Ты нужна мне. Один звонок, и мы все решим. Дай нам шанс, Лия».

Поднимаю на Гордееву тяжелый взгляд. Не могу поверить, что у нее хватило наглости читать сообщения от своего любовника в моей спальне.

– Киска? – криво ухмыляюсь я, пытаюсь держать себя в руках и не сделать ничего, о чем потом пожалею.

– Отдай телефон! – отмирает Эмилия, вытягивая ладонь. Ее щеки вспыхивают, в глазах ошеломленное выражение.

– Что ты нашла в этом лживом нытике? Всех этих блядей он трахал, пока ты ждала его дома. На фото указаны даты.

– Отдай мне телефон, – сквозь зубы повторяет Эмилия, вздрагивая от охватившей ее ярости. Я отрицательно качаю головой и тогда она бросается на меня, пытаюсь вырвать свой чертов айфон. Я оттесняю ее плечом и поворачиваюсь спиной.

– Батлер, это моё! Ты не имеешь права! – со злостью кричит она. Я читаю дальше, пока на мои плечи сыплется град ударов.

«Котенок, я волнуюсь. Почему ты не дома? Я второй вечер торчу под твоими окнами. Где ты, черт побери?»

«Малышка, я подохну, если ты бросишь меня сейчас. Умоляю, позвони».

Не подохнешь, сучонок, ухмыляюсь я про себя, листая ленту практически одинаковых по смыслу сообщений вниз. Последнее самое длинное. Целая поэма, блядь. Именно его она читала, взволнованно кусая губы, когда я вошел.

«Черт, Лия, мы же не чужие, чтобы вот так, без права на оправдание. После всего, что мы прошли вместе. Помнишь, как я поцеловал тебя первый раз, а ты сказала, что мне ничего не светит. Я тогда подумал, что ты слишком гордая, а ты просто ни разу ни с кем еще не целовалась. Я потом еще целый год ждал, когда ты, наконец, согласишься, что я настроен серьезно. А наш первый раз? Я волновался, наверное, еще больше, чем ты. Боялся напугать, дотронуться, не оправдать ожиданий. А ты не ждала, никогда и ничего не ждала. Просто любила меня, дурака, и я любил, и люблю. Ты мой ангел, Лия. Всегда была и будешь. Неужели все это можно перечеркнуть одной ничего незначащей ошибкой?»

Первый раз? Уголки губ дергаются в циничной усмешке. Я уверен, что понял правильно. Мне должно быть наплевать, но чувствую совсем другое. Меня захлёстывает ярость, перетекающая в животное бешенство и Гордеева, словно почувствовав исходящую от меня опасность, затихает, перестав лупить кулаками по моей спине.

«Леш, не пиши мне больше. Дай мне время успокоиться. Я позвоню тебе завтра и...», – ледяным тоном читаю вслух сообщение, которое Гордеева не успела отправить. Подняв голову, я смотрю в расширившиеся от страха черные глаза. Не знаю, что Гордеева увидела в моих, но на ее лице отражается неподдельный ужас. Отшатнувшись назад, Эм прижимает ладонь к горлу, словно ей нечем дышать.

– Что ты собиралась сказать ему завтра, детка? – обманчиво спокойным голосом спрашиваю я. Делаю шаг вперед, она – назад. Хлопает ресницами и молчит. – Говори! – требую я, неумолимо наступая на перепуганную девушку. Она делает судорожный вздох, обхватывает себя руками и останавливается, наткнувшись на кровать. Поняв, что пьтится больше некуда, Эмилия вызывающе вскидывает подбородок, в глазах на смену страху приходит злость.

– Ты неправильно понял, Адриан, – смело заявляет она, намекая на языковой барьер.

– Ты отлично знаешь, что я в состоянии прочитать любой официальный документ на русском языке, иначе бы требовал перевод каждого акта, который приносят мне на подпись. Не быть одураченным, не выглядеть идиотом и точно знать, что я заверяю своей визой – это была первостепенная задача, которую поставил перед собой во время подготовки к выходу на российский рынок. Поэтому попробуй еще, Эм.

– Ты не имеешь никакого права читать мою личную переписку, – продолжает Эм дрожащим голосом. Я бросаю телефон на тумбочку, не сводя с нее немигающего взгляда, под которым ее внезапная бравада рушится, как разбитое стекло. Между нами расстояние вытянутой руки, но я слышу, как громко колотится ее сердце. – Так неправильно. Алекс не отстанет, не успокоится. Я должна поговорить с ним. И поговорю, чтобы ты не думал по этому поводу.

– Я запрещаю! – отрезаю я непреклонным тоном.

– Что? – изумлённо переспрашивает она.

– Я сказал, что запрещаю тебе любое общение с Демидовым. Даже виртуальное.

– Иначе, что? – провокационно спрашивает отчаянно-смелая Гордеева.

– Хочешь проверить? – угрожающе рычу я.

– Это несерьёзно, Адриан....

– Похоже, что я шучу, детка? – вибрирующим от ярости голосом спрашиваю я. Она качает головой, облизывая пересохшие губы. Я опускаю испепеляющий взгляд на острые соски, натянувшие прозрачную ткань, почувствовав исходящие от меня волны звериной похоти, Эмилия испуганно стягивает на груди полы пеньюара, которого вообще на ней быть не должно.

– Мы планировали свадьбу. Объявили о помолвке, – Гордеева делает еще одну попытку достучаться до моего несуществующего благоразумия. – Нельзя вот так по смс поставить точку в отношениях, которые длились не один год.

– Можно, детка, – безапелляционно заявляю я. – Все проще, чем ты думаешь. Хочешь, чтобы человек исчез из твоей жизни, сообщи ему об этом, а если он не понимает, то брось его номер в чёрный список.

– Я с удовольствием воспользуюсь твоим советом через полгода! – запальчиво бросает Эмилия, одним своим дерзким взглядом выпуская всех моих демонов на свободу.

– Всё сказала? – сжимаю зубы до боли в челюсти и, подняв руки, сдергиваю с нее шелковый пеньюар. Эмилия нервно вскрикивает, пытаюсь удержать сползающую ткань, та протестующе трещит, рвется и летит на пол.

– Я просил не нарушать мои правила? – грубо спрашиваю я, вцепившись пальцами в ее плечи и резко развернув, толкаю на кровать. – Никакой одежды в постели, – она падает на живот. – Никаких других мужиков, – приподнимается на четвереньки и торопливо ползет на другую сторону. Ее упругая голая задница, в мягком освещении прикроватных светильников, не способствует усмирению вспыхнувшей похоти. – Никаких разговоров, – я сбрасываю с бедер полотенце. – Полный доступ, когда и куда я захочу, – она верезжит, когда я хватаю ее за лодыжки и тяну на себя.

Эмилия цепляется пальцами и когтями за покрывало, стаскивая его за собой, отчаянно всхлипывает, не собираясь сдаваться. Заношу ладонью и хлестко шлёпаю по ягодицам, оставляя красные отпечатки на нежной коже.

– Повторить еще раз или ты запомнила, детка? – приглушенно рычу я, наваливаясь сверху и прижимаясь каменным членом к обиженной части тела. Она дергается, безуспешно пытаюсь скинуть меня, только сильнее подстегивая агрессивное возбуждение. Полностью обездвиживаю ее, лишая возможности выпустить когти.

– Успокойся или тебе это не понравится, – угрожающе хриплю ей в затылок, толкаясь стальной эрекцией между ягодицами. Эмилия застывает подо мной, ощутив всю шаткость своего положения. Но уже слишком поздно, ее смирение не поможет, точка кипения пройдена, а мой самоконтроль остался валяться возле кровати вместе со сброшенным полотенцем. Я выпрямляюсь, упираясь коленями в матрас и резко дергаю Эмилию к себе, перехватываю одной рукой за талию, а второй грубо сжимаю грудь, выкручивая и щипая соски, жадно

впиваюсь губами в шею, оставляя следы, которые утром ей придется прятать за высоким воротником. С недвусмысленными намерениями жестко вжимаюсь бедрами в ее попку.

– В задницу тебя тоже не трахали? Я почти первопроходец, детка? – чувствую, как Гордеева цепенеет от намеренной пошлости вопроса и грубого тона. Схватив ее за волосы, оттягиваю голову назад, больно зажимаю зубами мочку уха. Дурею от ее сладкого запаха и тихих всхлипываний. – Который по счету? – убираю руку с тонкой талии и накрываю ладонью промежность, – Сколько раз наставляла рога своему идиоту, Демидову? Мне ты дала практически сразу, – без малейшей нежности раздвигаю нижние губы, ритмично надавливая на чувствительный узелок. – Недоумок сам виноват. Надо было чаще трахать тебя, не распыляясь на клубных шлюх. Теперь я это буду делать. Так часто, чтобы на других не осталось ни времени, ни сил, – Меня несет и каждое слово нацелено на удар по ее гордыне, достоинству, которое включается только, когда дело касается меня. Я собираюсь сказать что-то еще, но она каким-то чудом выворачивается и оказывается со мной лицом к лицу.

– Замолчи, хватит, – шепчет Эмилия и хватает за плечи. Пытается встряхнуть, но у нее недостаточно сил даже, чтобы просто сдвинуть меня с места. В полночных глазах горит нечитаемое выражение. – Пожалуйста, прекрати, – произносит еще тише. Не мольба, не страх и не покорность. Что-то совсем другое. Я сдавливаю ее скулы стальными пальцами, прожигая насквозь яростным взглядом. Несколько мучительных минут мы напряжённо изучаем друг друга, часто и нервно дыша, словно оба только что пробежали стометровку. Наклоняюсь, чтобы оставить на приоткрытых губах жесткий, болезненный поцелуй, но замираю, чувствую ласковые прикосновения ее пальцев к своей щеке.

– Не надо так со мной, Адриан, – она обнимает меня за шею, прижимается всем телом, нежные губы невесомо скользят по моим скулам, пока я больно сжимаю ее. Эмилия сама убирает мои пальцы со своего лица и кладет их на высокую грудь, мягко целует в губы, взъерошивая волосы на моем затылке. Я не отвечаю, не двигаюсь, но воинственный запал стремительно угасает, как и желание рвать свою добычу на части. Багровая пелена растворяется, и раздраженные бесы отступают, капитулируя перед ласковой, присмирившей гордячкой. Теплая, податливая, нежная, тающая, как воск в моих руках и ладони сами помимо воли скользят по изящной спине, пальцы пробегаются по выступающим позвонкам, оглаживая хрупкие лопатки, зарываются в шелковистые волосы. Я чувствую ее облегчённый вздох и целую ее нежно и осторожно, отвечая на ее

бесхитростную, интуитивную попытку усмирить зверя. Как оказалось, для того, чтобы сделать это ей не понадобился никакой опыт. Никому не удавалось до нее. Одним взглядом, прикосновением. Моя девочка. Моя.

– Испугалась, детка? – отрываясь от пухлых губ, спрашиваю я, заглядывая в темные глаза.

– Да, – честно отвечает она. – Я не хочу твоей грубости.

– Не давай мне повода, Эм, – я поддеваю ее подбородок, провожу большим пальцем по нижней губе. – Я тоже не хочу ни твоих слез, ни твоей боли.

– А чего ты хочешь, Адриан? – тихо спрашивает она и мое сердце пропускает удар. Однажды на него уже ответил, а сейчас не могу. Чтобы я не сказал, ответ будет не полным. Я не готов принять и признать природу незнакомых и непрощенных чувств, обрушившихся на меня. И поэтому, я молча целую ее, совсем не так, как собирался минуту назад. Чувственно, порочно и развратно, но без злости, целенаправленной жесткости и агрессии.

Опрокидываю Эмилию на спину, накрывая своим телом и не трахаю, как озверевший дикарь, а впервые за много лет занимаюсь любовью. Долго, иступлено, мучительно медленно, до молящих стонов и неконтролируемых криков. Я дотошно изучаю ее тело до малейших подробностей, проверяя пределы ее чувственности, разрушая воздвигаемые границы, погружая нас обоих в эротический транс. Я заставляю Эмилию дрожать, выгибаться и шептать в изнеможении мое имя, а сам схожу с ума вместе с ней, забываясь в тепле женского тела, среди влажных, спутанных простыней и мелькающих в голове тревожных мыслей. И только под конец, когда у обоих не остается сил на неторопливую агонию, я беру ее так, как привык, стремительно и жестко, наполняя и клеймя собой, оставляя метки от стальных пальцев и голодных губ на бархатистой коже.

Потом мы лежим, переплетаясь руками и ногами, смотрим в панорамное окно, как загорается розовый рассвет над Москвой и учимся дышать заново. Ее пальцы лениво блуждают по моей груди, я поглаживаю ее влажный затылок и абсолютно ни о чем не думаю, наслаждаясь моментом.

– Мне страшно, Адриан, – неожиданно произносит она, прогоняя шаткое ощущение умиротворения. Я непроизвольно напрягаюсь. Совсем не таких слов ждет мужчина после фантастического сексуального марафона. – Я не могу оставаться безучастной. Все эти контрактные отношения не для меня.

– Ты хочешь поговорить об этом сейчас? – опустил ладонь на ее попку, мягко сжимаю и, повернувшись, целую в кончик носа. – Давай спать, Эм. Нам осталось от силы три часа.

Глава 6

Эмилия

«Я просил не нарушать мои правила?

Никакой одежды в постели.

Никаких других мужиков.

Никаких разговоров.

Полный доступ, когда и куда я захочу». – вздрагиваю от каждого слова, что настойчивым и угрожающим набатом пульсирует в висках, разгоняя по венам уничтожающий яд. Батлер однажды вколол мне этот «Адрианалин» прямо в сердце и продолжает отравлять им снова и снова, превращая мою размеренную, стабильную, комфортную жизнь в какой-то жуткий ад, где я становлюсь слишком зависима, слишком эмоциональна. Слишком чувствена, впечатлительна и так много всяких «слишком», к которым я категорически не привыкла.

Слишком влюблена в человека, который просто купил меня. Для него я лишь дырка, азартная игра, эротическое приключение.

Влюблена...звучит, как приговор, но боюсь, что именно так люди называют этих бабочек, порхающих в животе, когда объект твоей влюбленности проявляет к тебе заботу, внимание, нежность. Я обязательно избавлюсь от каждой, ну а пока они летают внутри, заражая одержимостью каждым взмахом трепещущих крыльев.

Яд нездоровой, больной и зависимой любви. Он парализует, бросает в лед всё тело, при этом другую часть меня кидает в эпицентр пламени. Я задыхаюсь от боли в объятиях Батлера, ощущая, как по щекам градом стекают беззвучные слезы, пока мой босс размеренно и ровно дышит, и видит куда более радужные сны, чем те, что вижу я в последнее время.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/meyer_aleks/ne-strogo-biznes

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)